

Лев ДАВЫДОВ

ВЕРНОСТЬ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Лев ДАВЫДОВ

ВЕРНОСТЬ

(О Д. М. Карбышеве)

Москва · Издательство политической литературы · 1980

Давыдов Л. Д.

Д13 Верность: (О Д. М. Карбышеве).— М.: Политиздат, 1980.— 128 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Эта книга о генерале Дмитрие Михайловиче Карбышеве, коммунисте, ученом, воине. Весь мир знает о его подвиге, совершенном в фашистском плену. Пройдя через тяжкие испытания, 65-летний генерал сохранил верность Родине, вдохновлял и поднимал на борьбу с фашизмом узников концлагерей. А до этого были долгие годы жизни, борьбы и труда.

Писатель Л. Давыдов показывает становление личности героя, его путь в Коммунистическую партию, влияние, оказанное на него соратниками В. И. Ленина — В. В. Куйбышевым, М. В. Фрунзе, С. И. Гусевым, роль Карбышева в развитии военно-инженерной науки, в подготовке командных кадров Советской Армии.

Д $\frac{10604-388}{079(02)-80}$ 204—80 0505030202

63.3(2)722.78
9(С)27

Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.
Какие беды и потери
Несет в зубах косматый зверь?
Какие люди возметнутся
Из поражений и побед?

Михаил Кульчицкий

— Сопещение отменяется,— объявил редактор газеты «Машиностроение» Цезарь Львович Куников сотрудникам, собравшимся в его просторном кабинете.— Доклад дежурного критика и замечания по вышедшим за прошлую неделю номерам сдайте, пожалуйста, в письменном виде ответственному секретарю или Джульетте.

— А заявки на текущую неделю? — раздалось сразу несколько голосов.

— Их тоже отдайте. Разберем в рабочем порядке. А сейчас,— Цезарь Львович обратился к сидевшему поодаль военному, на которого раньше никто не обратил внимания,— попросим нашего нежданного, но желанного гостя — автора статьи, опубликованной у нас в газете, поделиться своими соображениями о войне, полыхающей в Европе.

Редактор встал с кресла и любезно предложил гостю занять его.

— Дмитрий Михайлович! — сказал при этом Куников, и в его больших черных глазах заиграли веселые огоньки, а ямочка на крутом подбородке

еще больше углубилась.— Во вчерашней газете ваша статья по праву в центре полосы. Сегодня вам «честь и место» в центре «взлетно-посадочной полосы», как местные острословы называют эти столы.

— Ясно,— усмехнулся гость.— Отсюда материалы летят в газету.

— Если не терпят аварии,— уточнил редактор.

Действительно, несколько обыкновенных канцелярских столов вместе с широченным редакторским образовывали большую букву Т, напоминая людям, не лишенным воображения, знак, выкладываемый у взлетно-посадочной полосы аэродрома. Усиливала сходство сверкавшая на столе редактора металлическая модель самолета АНТ-37, известного всему миру под названием «Родина». На нем наши героини-летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова установили мировой рекорд.

Модель, казалось, вот-вот готова разбежаться и взлететь.

Этот подарок авиазавода газете своей филигранной отделкой и точностью воспроизведения оригинала очень нравился Куникову. В отличие от других подарков Цезарь Львович держал его «при себе», а не на полках специального шкафа.

Между тем гость энергичным жестом обеих рук решительно уклонился от «честь и места». Взял со стола стальную метранпажную линейку и мигом очутился у висевшей во всю стену политической карты мира.

— Вот где мое настоящее место,— промолвил он скороговоркой глуховатым голосом. И показал концом линейки, послужившей ему указкой, не на границу Германии с Францией, как все того ожидали (ибо его вчерашняя статья была посвящена описа-

нию линии Мажино и позиции Зигфрида), а на нашу западную границу.— Обратите внимание, товарищи...

Только теперь участники несостоявшегося совещания хорошенько рассмотрели Дмитрия Михайловича Карбышева.

Известный в стране и за рубежом советский военный инженер-фортификатор оказался человеком ниже среднего роста и совсем не богатырского сложения. На вид ему было пятьдесят (на самом деле, как я позже узнал, ему было уже 59 лет). Седоватые редкие волосы, зачесанные на пробор, обрамляли широкий и высокий лоб мудреца. На узком продолговатом лице с едва заметными оспинками сияли добротой черные, широко раскрытые глаза. Своей ладной фигурой, необычайной живостью, отточенными жестами и манерой держаться, свойственной человеку строгой дисциплины и высокой культуры поведения, он напоминал Суворова, каким его изображали современники.

Дмитрий Михайлович был одет в форму Академии Генерального штаба — тщательно выутюженный китель с черным бархатным воротником с белой окантовкой. На петлицах воротника скрещенные топоры — эмблема инженерных войск — и два ромба, свидетельствовавшие о принадлежности к высшему командному составу Красной Армии. По подписи в газете мы уже знали: Д. М. Карбышев — комдив.

...Когда же состоялась эта встреча?

Припоминаю дату. Это было примерно в середине ноября. А год такой, что его не забыть, — 1939-й. Начало второй мировой войны. Проверил по газетной подшивке — все сошлось. В воскресенье 12 ноября газета напечатала статью Карбышева. А 13-го состоялось еженедельное редакционное совещание

(обычно на таких совещаниях присутствовали все сотрудники редакции, а часто и представители наркоматов, и авторы).

Мне запомнилась даже погода в тот понедельник. С ночи зарядил снег. Сперва невесомые пушинки, потом будто сквозь продранное сито повалили густые хлопья. Завихрило, завьюжило.

К утру Москва побелела. А светлее не становилось. Небо прямо повисло на верхушках деревьев и крышах домов: не пробиться солнечному лучу. Тротуары, булыжные и асфальтовые мостовые, трамвайные рельсы замело. По малому бульварному кольцу трамвай «А» едва передвигался следом за неистово грохотавшим и отчаянно звеневшим снегоочистителем.

У Трубной площади наш вагон надолго застрял в ожидании, пока его громоздкий поводырь взберется по крутому подъему на Сретенку. Именно Сретенка и нужна была мне. От нее предстояло добежать до улицы Мархлевского, к дому № 2, нырнуть в один из многочисленных подъездов, вскочить в лифт и подняться на шестой этаж, в редакцию.

Я уже ничего не видел и не слышал. В ушах чудился звон старинных стенных часов в редакторском кабинете. На десятом гулком ударе дверь в кабинет наглухо закрывалась со стороны приемной. Закрывала очаровательная Джульетта Ромеовна Батистини, секретарь редактора, комсомолка, коренная москвичка, дочь машинистки с Трехгорки и итальянского инженера-эмигранта. Романтическое имя нисколько не мешало ей быть неколебимым стражем однажды установленного порядка. Войти в кабинет, пока шло заседание, мог только брандмайор пожарной команды, если оттуда явно запахло горелым.

Мне повезло. Сбросив на ходу пальто и шапку, весь в поту я вскочил в кабинет до последнего рокового боя часов.

Через несколько секунд Куников объявил:

— Совецание отменяется!

Однако никто об этом не пожалел.

— Обратите внимание, товарищи, прежде всего на то, как развиваются события...

С этого Карбышев начал.

Перед нами ожила географическая карта. Стали зримыми зыбкие границы европейских государств, уже втянутых во вторую мировую войну. Прояснился ход военных действий на разных фронтах.

Показав нашу новую границу, он предложил сперва «посмотреть на нее из Москвы».

Всем и без того было ясно: воссоединены земли, народы Украины и Белоруссии. Граница передвинута на запад.

Тут последовало второе предложение: не попытается ли кто-нибудь взглянуть на ту же границу с противоположной стороны, то есть с запада на восток.

Опять яснее ясного. Виден Советский Союз. Шестая часть мира и тогда единственная на всех континентах земного шара социалистическая держава.

Комдив похвалил наше знание географии, но посоветовал присмотреться зорче. Не находим ли мы, что война вплотную приблизилась к нашей Родине? Соседом стал агрессор — гитлеровская Германия.

Реплику о том, что с Германией заключен договор о дружбе и ненападении, Карбышев отпарировал быстро и веско: «На договора надейся, а сам не плошай!»

Беседа затянулась. Не могу передать ее во всех подробностях. Пытаюсь донести уцелевшее в памяти.

Мы заметили, что Дмитрий Михайлович любит поговорки, поговорки. Сыплет ими как из рога изобилия. Часто переиначивая на свой лад, но всегда уместно и очень удачно. Вообще в разговоре он был гораздо интереснее, занимательнее и еще яснее излагал свои мысли, чем в статье. Всем, кто внимательно прочитал ее, хотелось не упустить счастливого случая получить из «первых рук» разъяснение недосказанного, полностью нераскрытого. Доверительный тон беседы, взятый Карбышевым с первых слов, подстегивал наше любопытство. Впрочем, газетчику всегда хочется знать обо всем и пораньше, и побольше других.

Гостя прямо атаквали вопросами. Он отвечал обстоятельно. Много видел далеко вперед, а кое в чем заблуждался. Например, считал, что несомненно «на ход военных действий линия Мажино и позиция Зигфрида окажут огромное влияние». Сейчас все знают — не оказали. Так это сейчас...

А в ноябре тридцать девятого не было среди нас оракула, который мог предсказать чудовищное вероломство Гитлера, фашистов. Не знал и Карбышев, что они, поправ нейтралитет Бельгии, оккупируют ее и ворвутся во Францию, обойдя линию Мажино. Наверное, даже не предполагал возможным, что фашисты без объявления войны совершат набег дикой ордой на СССР. До этого оставалось еще около двух лет.

Но ощущение тревоги, насущной необходимости действовать без промедления, оснащать Красную Армию современной и совершенной техникой, готовиться к любым неожиданностям и встретить их, что называется, во всеоружии — это он нам определенно внушил.

Зарубцевался в памяти маленький эпизод «столк-

новения» между Карбышевым и Куниковым. Гость попросил у хозяев позволения покритиковать их и выразил убеждение в том, что газета должна уделять гораздо больше внимания оборонным темам. Ведь она — орган семи наркоматов: тяжелого, среднего, общего, авиационного машиностроения, судостроения, боеприпасов и вооружения. Следовательно, способна влиять на оборонную промышленность в гораздо большей степени, чем любая другая газета.

Цезарь Львович не сдержался, слегка обиженно вставил:

— Влияем, уважаемый Дмитрий Михайлович. Пожалуйста, пишите чаще в нашу газету, но и чаще заглядывайте в нее...

Карбышев:

— Заглядываешь к приятелям, которых давно не видел. А «Машиностроение» внимательно читаю.

И он в подтверждение предложил ряд насущных тем, упущенных или освещенных вскользь.

Куников уже без всякой обиды в голосе горячо поблагодарил Карбышева за все, попросил как коммунист коммуниста не терять тесной связи с газетой и обратился к сотрудникам:

— Считайте перечисленные Дмитрием Михайловичем темы моим заданием на ближайший период.

Каждый из нас, уходя, старался пожать руку Карбышева, который еще некоторое время оставался в кабинете редактора, беседуя с ним за чашкой чая, принесенного заботливой Джульеттой.

О чем они говорили между собой наедине? Какие впечатления вынесли друг о друге? Какие душевные струны затронула в каждом эта встреча? А может, и раньше, и после нее довелось им видеться, беседовать?

Все это до сих пор не раскрытая тайна.

Но в наслоенной толще лет не простыл след. Сохранилась драгоценная ниточка связи между двумя людьми, во всем как будто очень разными, кроме самого существенного, ради чего они жили и, когда пришлось, отдали свои жизни.

Совсем недавно школьники-следопыты принесли в Государственный исторический музей синюю тетрадь — памятку с длинным, на много страниц, списком фамилий. Возле некоторых из них и адреса. Но больше всего телефонных номеров. Все они записаны рукою Дмитрия Михайловича. И среди них оказались номера телефонов — редакционный и личный — Цезаря Львовича Куникова...

Встреча с Дмитрием Михайловичем Карбышевым произвела на сотрудников газеты «Машиностроение» необычайное впечатление. Хотя мы в то время лишь в общих чертах знали об огромной военно-научной и преподавательской деятельности Дмитрия Михайловича и не представляли себе истинные размеры его вклада в укрепление обороноспособности страны, нас покорили его эрудиция, сила его логики, сделанный им глубокий анализ международной обстановки. Мы поняли, что это человек талантливый, незаурядный, истинный патриот нашей социалистической Родины. С тех пор мы не оставляли без внимания ни одной строчки, в которой упоминалось его имя, ни одного события, в котором он принимал участие.

Примерно через год после этой памятной встречи газета «Красная Звезда» отметила шестидесятилетие Д. М. Карбышева. В этот день на первой ее странице был помещен портрет Дмитрия Михайловича. Под портретом — приказ наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко от 28 октября 1940 года:

«Старшему преподавателю Академии Генерального штаба Красной Армии, профессору, генерал-лейтенанту инженерных войск Карбышеву Дмитрию Михайловичу исполнилось 60 лет.

В день 60-летия тов. Карбышева отмечаю его выдающиеся заслуги в деле строительства и подготовки командных кадров Красной Армии.

С первых дней создания Красной Армии, начав службу еще в рядах Красной гвардии, тов. Карбышев активно участвовал в борьбе против многих врагов нашей Родины на фронтах гражданской войны, занимая ряд ответственных должностей.

После окончания гражданской войны и до настоящего времени тов. Карбышев Д. М. ведет плодотворную работу по подготовке командных кадров Красной Армии, передавая им свои знания и богатый опыт. Наряду с этим тов. Карбышев Д. М. ведет большую творческую и научную работу. Его перу принадлежит ряд учебных пособий и научных трудов, широко известных всей Красной Армии.

В день шестидесятилетия, за оказанные Красной Армии выдающиеся заслуги тов. Карбышев Д. М. постановлением Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом Красного Знамени.

Поздравляя Дмитрия Михайловича Карбышева с высокой наградой Правительства, желаю долгих лет такой же плодотворной работы по дальнейшему укреплению Красной Армии».

Карбышев стал первым преподавателем Академии Генерального штаба, которого наградили боевым орденом Красного Знамени по случаю шестидесятилетия. Таким образом Коммунистическая партия и Советское правительство приравнивали его деятельность в мирное время к подвигу на фронте. И это вполне понятно, если внимательно ознакомить-

ся с тем, чем занимался Д. М. Карбышев и что успел сделать в годы Советской власти.

Загляните в Государственную публичную библиотеку имени В. И. Ленина в Москве и просмотрите библиографические карточки, отражающие все написанное Дмитрием Михайловичем. Вы насчитаете свыше ста фундаментальных исследований, научных трудов, учебных и методических пособий, справочников, статей и рецензий, принадлежащих его перу.

Свыше ста! Они изданы не только на русском, но и на иностранных языках. Д. М. Карбышев — ученый с мировым именем! Он — один из основоположников теории инженерного обеспечения боя и операции, правофланговый передовой шеренги военных специалистов, органически связавших инженерное обеспечение обороны и наступления с общевойсковой стратегией и тактикой.

Даже беглое знакомство с некоторыми книгами и брошюрами Д. М. Карбышева открывает необъятные горизонты его научных интересов: инженерное обеспечение боевых действий всех родов войск по видам боя, полевая и долговременная фортификация, инженерные заграждения, маскировка, подземно-минная борьба, форсирование рек, подрывное дело, постройка и восстановление мостов и дорог, электротехнические и гидравлические устройства, организация и механизация инженерных войск...

Карбышев много и обстоятельно пишет на военно-исторические темы: о крепостях Гельголанд, Порт-Артур и Верден; о герое Крымской войны Тотлебене, под руководством которого Севастопольские бастионы были превращены в неприступные для иноземных флотов; о линиях укреплений Мажино и позиции Зигфрида; о взятии русскими вой-

сками в первую мировую войну австрийской крепости Перемышль; о фортах Брест-Литовска, Язловецком и Каховском плацдармах, о сокрушении белогвардейских укреплений Перекопа и Чонгара. Его статьи — в научных и партийных журналах, в энциклопедиях, в центральных и областных газетах.

Издававшийся в Харькове с лета 1921 года по инициативе М. В. Фрунзе журнал «Армия и революция» в первых семи номерах одновременно с работой М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина Красной Армии» печатает исследование Д. М. Карбышева «Влияние условий борьбы на формы и принципы фортификации». Это остро полемическое исследование было написано по настоянию Михаила Васильевича.

Чуть позже в двух номерах того же журнала появился не менее острый отклик Дмитрия Михайловича на статью «Выводы из опыта гражданской войны по полевому инженерному делу», опубликованную крупным военным инженером, сподвижником Фрунзе и Карбышева на Южном фронте Арсением Дмитриевичем Малевским.

Еще раньше, в 1918 году, Карбышев стал известен бойцам и командирам как автор пособий, необходимых молодой Красной Армии. Для 5-й Краснознаменной армии, которая вела бои с колчаковскими войсками, он составил сборник указаний по укреплению позиций, получивший широкое распространение. Сделанную им необычайно оперативно, за восемь суток, рекогносцировку берегов реки Волги (на протяжении пятисот километров) командующий Восточным фронтом Сергей Сергеевич Каменев назвал образцовой. Он дал указание немедленно ее размножить и изучать в воинских подразделениях.

Это учебное пособие переиздавалось много раз. По нему учились поколения наших командиров. Выдержали испытание временем и созданные Карбышевым для тактических занятий общевойсковых частей «Краткий справочник по военно-инженерному делу», «Саперная таблица» и оригинальная «Инженерная арифметика» для быстрого и легкого производства расчетов оборонительных работ.

Он находит время, чтобы отредактировать и снабдить предисловием переведенную с французского книгу полковника Лёближуа «Долговременная фортификация». Редактирует переведенную с польского «Инструкцию по выполнению полевых военно-инженерных работ» и другие книги. Оказывает существенную помощь переводчице романа Арнольда Цвейга «Воспитание под Верденом».

На редкость интенсивна и плодотворна творческая деятельность Карбышева — военного инженера, ученого, педагога. Даже беглый обзор ее вызывает искреннее изумление. Это непрестанный поиск и открытие нового.

Вызывало восхищение не только постоянное творческое горение Карбышева, его самоотверженная работа по подготовке кадров для Красной Армии, но и его замечательное боевое прошлое.

В 1940 году в одиннадцатом номере специального военного журнала «Техника и вооружение» появилась статья, приуроченная к шестидесятилетию Карбышева. В ней рассказывалось о том, что Дмитрий Михайлович неоднократно проявлял личную храбрость в боях с врагами, был любимцем солдат еще во время русско-японской и первой мировой войн. Чин подполковника был получен им как награда за отвагу. Мужественным воином, преданным делу защиты социалистического Отечества, показал

он себя в годы гражданской войны. Сразу же после Октября его назначили инженером красногвардейского отряда. Он руководил укреплением позиций в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Украине. Удостоился высокой чести быть избранным почетным красноармейцем 4-го образцового саперного батальона.

Карбышева заслуженно называли отцом войскового инженерного дела. Но возникала необходимость, и инженер с винтовкой в руках вел красноармейцев в атаку на эсеровскую кулацкую банду под Сызранью, помогал добывать махновцев в районе Гуляй-Поля.

Особенно примечательной показалась одна строка в статье. В ней упомянуто о встрече Карбышева с Фрунзе: «Великий пролетарский полководец сразу оценил способности выдающегося инженера. Их связала личная дружба».

Личный друг близкого соратника Ильича? А интересно было бы узнать подробно, с чего их дружба началась, как росла и крепла... Хорошо бы встретиться с Дмитрием Михайловичем, поговорить с ним... Вот еще нетронутая тема для статьи, очерка!..

Вскоре позвонил мой товарищ по прежней работе в «Красной Звезде» Петр Корзинкин. Он вел в газете раздел наградений и любил поделиться своими впечатлениями о том, как происходило торжественное вручение орденов и медалей. Тогда ведь вообще было редкостью увидеть орденосца, попасть в Кремль. А в этот раз среди награжденных оказался Карбышев.

Корзинкину, оперативному газетчику, ловившему новости на лету, приходилось встречаться с Карбышевым на маневрах, в академии. Но впервые он видел его таким взволнованным, с сияющими глаза-

ми, не скрывавшим переполнявшей его радости и гордости.

Михаил Иванович Калинин вручал Дмитрию Михайловичу награду уже во второй раз. Первым был орден Красной Звезды. Очевидно, всесоюзный староста с тех пор запомнил Карбышева, а может быть, познакомился с ним еще раньше, когда с агитпоездом «Октябрьская революция» приезжал на Южный фронт незадолго до штурма Перекопа и Чонгара, чтобы передать бойцам ленинское напутствие перед решительным боем с белогвардейцами.

После церемонии награждения Михаил Иванович подошел к Карбышеву, взял его за руку повыше локтя и, подведя к рядам стульев, где награжденным предстояло сфотографироваться, усадил рядом с собой. Эту фотографию можно сейчас увидеть в Москве, в Музее М. И. Калинина. Ее почему-то в свое время не поместили в периодической печати. Корзинкин раздобыл снимок и показывал мне его, объясняя, кто и за что награжден. Особенно тепло и даже с восхищением говорил он о Карбышеве.

Начал с того, что Дмитрия Михайловича, заместителя начальника инженерных войск Украины, в марте 1923 года отозвали в Москву и назначили председателем инженерного комитета Главного военно-инженерного управления Красной Армии.

— Кто же его рекомендовал на такой высокий и ответственный пост? — спросил я.

— Совсем не желая того, помимо своей воли, Фрунзе, — ответил Корзинкин и объяснил: — Михаил Васильевич, под началом которого тогда служил Карбышев, прислал в Москву характеристику на Карбышева — военный инженер широкого кругозора, умелый организатор, революционно мыслит,

пропагандирует новаторские идеи «осаперивания» всех родов войск, прекрасно показал себя на фронтах гражданской войны... Прошу утвердить начальником инженерных войск Украины. Москва ответила ему: «Такой нам самим нужен. Ищем днем с огнем!» Пришлось откомандировать Карбышева в центральный аппарат.

А вскоре они опять сослуживцы. Фрунзе — нарком по военным и морским делам и по совместительству начальник Военной академии РККА. Он назначает Дмитрия Михайловича председателем Военно-технического комитета Главного военно-технического управления Красной Армии. Привлекает его к чтению лекций в академии и к активному участию в проведении реформы военно-учебных заведений. Затем Карбышев становится помощником инспектора инженеров Красной Армии.

С 1926 года Дмитрий Михайлович целиком и полностью отдается педагогической и научной деятельности. Десять лет в Военной академии имени Фрунзе. Пятый год в Академии Генерального штаба.

— А ты хоть раз бывал на его лекциях? — спросил я Корзинкина.

— Много раз, — ответил он. — И тебе не возбраняется.

— Слушать лекции в военной академии?

— Зачем обязательно в академии? — возразил Петр. — Можно в Коммунистической аудитории Московского университета, или в Политехническом музее, или в ЦДКА, или на заводах... Карбышева слушают не переводя дыхания. Любой зал переполнен до отказа. А в чем его секрет? В глубоком знании предмета. В умении самые сложные проблемы изложить просто, ясно, образно и интересно. Одарен талантом лектора, педагога, популяризатора. Пят-

надцать лет в главных военных академиях! Сам сосчитай, сколько выпустил командиров...

Корзинкин знал о моих планах. Он дал мне номер домашнего телефона Дмитрия Михайловича и стал уверять, что ему можно звонить и вечером, и в выходной... Не позвонил. Не собрался. Помешали срочные редакционные задания, командировки. Все откладывал беседу с Карбышевым, пока внезапно не вспыхнул пожар Великой Отечественной войны...

17 августа 1946 года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Еще кровоточили раны, полученные в войну, и невыносимо острой была боль утрат и потерь. И вот еще одна горестная весть о новой утрате и о подвиге, который совершил пламенный советский патриот.

Указ гласил: «За исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне, присвоить посмертно звание Героя Советского Союза генерал-лейтенанту инженерных войск Карбышеву Дмитрию Михайловичу».

этом настаивали военачальники округа. Никто не вправе был упрекнуть генерала за такой шаг.

Но так поступить Карбышеву не позволила... совесть. Кристально чистая внутренняя совесть, которую нельзя обмануть, ввести в заблуждение, усыпить. Совесть воина и патриота, испытанного войнами. Совесть коммуниста, верного и неколебимого в своих убеждениях, в своей правоте.

Эта совесть властно повелела ему остаться с теми, кто вступил в смертельную схватку с ненавистным и коварным врагом. Ведь многие из них были его учениками. А настоящий учитель не может оставить своих питомцев в беде. Сам воспитывал в них преданность высоким идеалам, взаимную вырубку, верность Родине.

И он остался.

Генерал-лейтенант Якуб Джангирович Чанышев:

— В первый день войны я оказался со слушателями первого курса Военной академии имени М. В. Фрунзе на рекогносцировке в районе Гродно — Осовец. Мне, начальнику курса, необходимо было срочно вернуться в академию. На нескольких машинах мы проехали по горящему мосту через Неман. Попали в штаб 10-й армии. Тут я встретил Дмитрия Михайловича Карбышева и предложил ехать с нами в Москву. Он наотрез отказался...

Начальник инженерного управления Западного особого военного округа генерал-лейтенант инженерных войск Петр Михайлович Васильев:

— ...Вечером 22 июня мы в 18—19 часов переехали на командный пункт армии в местечко Мосты. На другой день я предложил Дмитрию Михайловичу вернуться со мной в Минск, в штаб округа, а оттуда отправиться в Москву. Но Карбышев твердо сказал:

— Я солдат, а солдату в такой момент уезжать нельзя. Я не могу бросить фронт.

...Я уехал в Минск в 14 часов 24 июня. Дмитрий Михайлович остался на КП...

Подвиг героя не может кануть в Лету, исчезнуть, быть забытым. Он вечен. Теперь уже всему миру известно, какой стойкостью обладал генерал коммунист Карбышев. Попав в руки врага контуженным, в бессознательном состоянии, Дмитрий Михайлович, по свидетельству очевидцев, вел себя непреклонно и мужественно, поднимал дух и укреплял веру в победу советского народа у всех узников концентрационных лагерей.

Июль—август 1941 года. Лагерь Остров-Мазовецки на польской земле. Здесь Дмитрий Михайлович встретился со старшим лейтенантом Владимиром Герасимовым.

— Надо прорываться к своим,—убеждал его Карбышев. Он призывал узников бороться с фашистами, готовить побег. Известно, что в этом лагере было несколько случаев побегов узников как раз в те месяцы, когда там находился советский генерал.

Сентябрь 1941 года. Сочтя опасным дальнейшее пребывание Дмитрия Михайловича в Остров-Мазовецки, его пересылают в концлагерь Замосць. Вместе с ним в гитлеровском плену томятся тысячи наших бойцов и командиров. Те немногие, кто уцелел, в один голос называли Карбышева своим спасителем. Старший лейтенант Петр Кошкарлов, один из героических защитников Брестской крепости, говорил:

— Дмитрий Михайлович поддерживал в людях твердость духа. Он стал для нас символом железной воли, несокрушимой убежденности в нашей победе.

«Его оценки военных действий,— вспоминали другие узники,— всегда были верны, а прогнозы сбывались, как будто он вершил судьбы войны. Он видел дальше нас всех, открывал глаза на очень многое...»

И в Замосць по призыву Карбышева начались побеги; группа заключенных повела подкоп из пустовавшего барака в сарай, который принадлежал живущему близ лагеря поляку.

А Карбышева поторопились загнать в глубь Германии, в Баварию, в «офлаг XIII-Д». Этот офицерский лагерь, отделенный от солдатского, находился вблизи линии Зигфрида, которую хорошо знал Дмитрий Михайлович. Благодаря этому расположение фашистского «секретного лагеря» стало известно всем пленным.

Здесь состоялась вторая встреча Карбышева с Владимиром Герасимовым.

— Не попытаться ли мне перейти в солдатскую половину лагеря? — советовался старший лейтенант с Дмитрием Михайловичем.

— Попытайтесь. Основное сейчас — сохранить честь советского воина. Ведь мы лишь временно вышли из строя... — И генерал просил запомнить и передавать всем неписанные правила поведения советских людей в фашистском плену, которые он составил.

Вот они:

1. Организованность и сплоченность в любых условиях плена.

2. Взаимопомощь. В первую очередь помогать больным и раненым товарищам.

3. Ни в чем не унижать своего достоинства перед лицом врага.

4. Высоко держать честь советского воина.

5. Заставить фашистов уважать единство и сплоченность военнопленных.

6. Вести борьбу с фашистами, предателями и изменниками Родины.

7. Создавать патриотические группы военнопленных для саботажа, вредительства и диверсий в тылу врага.

8. При первой возможности совершать побеги из плена.

9. Оставаться верными воинской присяге и своей Советской Родине.

10. Разбивать миф о непобедимости гитлеровских войск и вселять военнопленным уверенность в нашей победе».

Карбышевские правила знали наизусть узники разных лагерей. Вернувшись на Родину, почти одновременно с Герасимовым эти правила сообщили Т. В. Кублицкий, А. П. Есин, П. П. Кошкарлов, Ю. П. Демьяненко, А. С. Санин и многие другие.

Узники вели яростную борьбу с антисоветчиками, белогвардейцами, со сколоченной кучкой жалких изменников вместе с гестапо «Русской трудовой народной партией» (РТНП).

Если Дмитрия Михайловича спрашивали, что лагерникам делать, он неизменно повторял призыв Вольтера:

— Сокрушите гадину!

Если спрашивали, чем кончится война, Карбышев твердо заявлял:

— Настанет день, и враг побежит из России, обязательно побежит. А советские войска его настигнут в его же логове...

Осенью 1942 года, когда Карбышев находился в «гнилом лагере» Хаммельбурге, началась вербовка

военнопленных в так называемую «Русскую освободительную армию» — РОА, входившую в состав немецко-фашистских войск.

На уговоры переменить голодное лагерное существование на «роскошную жизнь» генерала вермахта Карбышев отвечал категорически:

— Убеждения не выпадают вместе с зубами из-за недостатка витаминов в лагерном рационе...

Спрашивали, чего бы он хотел от гитлеровского правительства, чтобы перейти из советского подданства в немецкое?

Отвечал:

— Родиной не торгуют.

Личный адъютант изменника Власова Хмыров-Долгорукий показал на суде, а потом повторил в своих мемуарах, что присутствовал при том, как высшие представители вермахта уговаривали Карбышева стать главкомом РОА — армии предателей — вместо Власова, чтобы использовать в своих целях высокий авторитет и популярность Дмитрия Михайловича.

Долго Карбышева уговаривали, задабривали, обещая щедрые поправки. Наконец немецкий генерал, не совладав с нервами, подскочил к Карбышеву и заорал: «Чего же вы хотите? Денег? Назначайте цену, сколько?»

Едва стоявший на ногах, иссохший, постаревший, тяжело больной Карбышев в ответ плюнул в искаженную злобой физиономию фашиста.

Дмитрия Михайловича заточили в одиночку гестаповской тюрьмы в Берлине на Принц Альбертштрассе, 5. Целые полгода издевались над ним, прибегали к шантажу и провокациям. Не сломали волю коммуниста. Отправили в лагерь. Оттуда перевели в другую гестаповскую тюрьму в Нюрнберге. И сно-

ва уговоры, шантаж, провокации, изнурительные пытки. Не добившись своего, фашисты обрекли Карбышева на верную гибель.

В берлинской канцелярии вермахта был обнаружен нашими воинами документ, равносильный смертному приговору: «Этот крупнейший советский фортификатор, кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался насквозь зараженным большевистским духом, фанатически преданным идее верности, воинскому долгу и патриотизму... Карбышева можно считать безнадежным в смысле использования его у нас в качестве специалиста военно-инженерного дела». На документе размашисто, красным карандашом нанесена резолюция: «Направить в концлагерь Флоссенбург на каторжные работы. Не делать никаких скидок на звание и возраст».

Но и во Флоссенбурге советский генерал продолжал борьбу. Всему лагерю стал известен карбышевский призыв: «Не терять чести даже в бесчестье!» И карбышевский приказ: «Плен — страшная штука, но ведь это тоже война, и, пока война идет на Родине, мы должны бороться здесь. Поступайте так, как нужно в интересах Родины, и говорите всем, что это я вам приказал!»

Фашисты перебрасывали его из одного лагеря смерти в другой. Майданек, Освенцим, Заксенхаузен — всюду он вдохновлял участников борьбы с фашизмом, ни на йоту не терял мужества и подбадривал тех, кто впадал в апатию, кого угнетало чувство безнадежности.

Седдон де Сент-Клер, майор канадской армии, — один из немногих свидетелей гибели Дмитрия Михайловича — 13 февраля 1946 года сообщил вызванному им в госпиталь представителю Советской мис-

сии по делам репатриации в Лондоне майору Сорокопуду:

— Мне осталось жить недолго. Поэтому меня беспокоит мысль о том, чтобы вместе со мной не ушли в могилу известные мне факты героической жизни и трагической гибели советского генерала, благородная память о котором должна жить среди людей. Я говорю о генерал-лейтенанте Карбышеве...

Сент-Клер встречался с Карбышевым в Хейнкеле (отделение концлагеря Заксенхаузен) и Маутхаузене, где Дмитрий Михайлович погиб. Сент-Клер рассказал об огромном влиянии Карбышева на заключенных; о большой агитационной работе, которую вел этот старый, больной человек среди военнопленных; о том, что среди заключенных ходили по рукам карбышевские сводки о положении на фронтах; о том, что его разъяснения помогали им заглядывать в будущее, правильнее разбираться в событиях, а также понять Советскую страну и ее великий народ. Он запомнил слова, которые Карбышев без устали повторял узникам, его огненные призывы: «Главное — не покоряться, не пасть на колени перед врагом!» И еще: «Бодрей, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!»

Фашистские палачи торопились покончить с Карбышевым. Он был им страшен даже на деревянных колодках, в полосатой робе, высохший, больной, страдавший дистрофией, едва передвигавший распухшие ноги, уже обозначенный в их регистратуре не по фамилии, а лишь порядковым номером (№ 57221).

Как только Дмитрия Михайловича с очередной тысячей обреченных привезли в Маутхаузен — а это было 17 февраля 1945 года в 12 часов дня, — его

отобрали в особую группу. И подвергли садистской, изоциренной казни. Не петлей и не газом, не огнем, а водой. Узникам велели догола раздеться. При двенадцатиградусном морозе, на лютном ветру их держали несколько часов на площади.

Для многих и такая эзекуция была невоготу. Коченели, падали бездыханными. Остальных затолкали в баню, под горячий душ. Оттуда — обратно на площадь, под нацеленные брандспойты — леденящий душ «шарко» на морозе.

И опять уцелевших — в баню. А оттуда опять — на площадь...

Один из узников Маутхаузена, Эйжен Веверис, всего этого не видел. Ему рассказали об этом на следующий день. А в тот день он рубил, тесал, пилил и таскал гранитные плиты, дробил щебень в штейнбрухе — каменоломне. В сумерки едва смог подняться по ста шестидесяти трем ступеням, как из глубокого колодца, на поверхность земли. Доплелся до барака...

«Вдруг вдали, правее лагерных ворот, возле каменной стены, которую отсюда не было видно во мраке ночи, слышались крики и какое-то свистящее шипение, происхождение которого Эйжен тогда не понял...

Потом немногие очевидцы рассказывали, как...

Как по ледяному катку, сверкавшему всеми цветами спектра — от красного до фиолетового, — метались голые люди...

Метались между стеной бани и каменной стеной, силясь подняться, спастись от острых, как жало, струй ледяной воды, бивших из брандспойтов...

Гоготали, ржали эсэсовцы, напором воды сбивая с ног тех, кто еще пытался встать. Один за другим превращались в ледяные изваяния люди. Один

за другим замерзали их крики. Крики проклятья!

С отчетливостью, которая сохранится в нем навечно, Эйжен не увидел даже, а ощутил изможденного седоволосого человека, упиравшегося в чернокаменную стену. Он был прикован к стене ледяной цепью, а острые и холодные клювы терзали и терзали его иссушенное мукой тело...

Человек этот кричал! Нет, он не проклинал палачей! Он обращался к оставшимся в жизни! В последней несломленной гордости, в последних словах своих он был с теми, кто оставался на земле:

— Бодрей, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!..

Кто был этот старик, медленно и неумолимо превращавшийся в ледяной памятник? Карбышев! Дмитрий Карбышев! Советский генерал!

И были эти слова, передававшиеся из уст в уста, как знамя, как факел в ночи».

Так передает Гунар Курпнек переживания своего земляка и друга Эйжена Вевериса, который вырвался из лагеря смерти живым и создал нерукотворный памятник генералу-герою. Латышский стрелок и красноармеец, в боях теснивший беляков на Волге, портовый грузчик, ставший учителем, в сердце нес волшебный дар поэта. Его стихи — не реквием, они зовут, как звон колоколов Хатыни, к священной и яростной борьбе с любыми проявлениями фашизма во всем мире. Вслушайтесь в них:

Пробуждение

Мы, словно пни, оступели,
Ослепли от крови и пота.
Нас штейнбрух швырнул на колени,
Для многих он стал эшафотом —
Ну, что же!

Мы тягостным сном равнодушья
заснули...

Тогда его вывели.

А ветер в тот день был, как нож, нацелен,

И стынь, как сталь, раскалена.

А вода лилась,

Лилась, лилась, лилась...

И лед схватил его,

Как пламя схватило Джордано Бруно.

Вдруг мы опять ощутили муки —

Его муки,

И волю —

Его волю,

И ярость —

Ярость бойца.

В тот день,

Когда ветер был бритвы острее,

К жизни нас подняла

Боль Прометея.

Эйжен Веверис рассказывал, что смерть генерала Карбышева не устрасила оставшихся живыми узников. Она пробудила даже в самых отчаявшихся стремление, волю к борьбе. Через короткое время в Маутхаузене восстал двадцатый блок — штрафной в штрафном лагере.

Восставшие штрафники двадцатого блока, чудом вырвавшиеся на свободу Виктор Украинцев, Иван Батюшков, Владимир Шепетья, Иван Бакланов, Владимир Соседкин запомнили: призыв генерала Карбышева донесся и в этот блок, замурованный со всех сторон, подобно склепу.

Прометей не уходит из жизни бесследно. Свершенное им передается грядущим поколениям — факел вечной эстафеты.

Влияние

Младший брат огонь и воду
на своем прошел пути,
Стал он крепкого закала;
душу крепче не найти.
Сергей Обрадович

Елена Дмитриевна Стасова, высокая, стройная, с лицом, на котором едва заметны морщинки, не вошла, а ворвалась в свой кабинет.

— Ради бога, извините, немного задержала вас,— сказала она.— Сегодня с утренней почтой завозилась... Сорок восемь писем! Диктовала секретарю ответы... Остались на очереди иностранные корреспонденты...

— Может быть, отложим нашу беседу?

— Что вы надумали, товарищ. Сама назначила день и час! — воскликнула она. Голос низкого тембра звучал суховато, даже сурово. Но я уже знал — это вовсе не значит, что она на кого-либо сердится. Знал — сейчас начнется деловой разговор, до предела сжатый, без отвлечения на посторонние темы.

— Материалы для книги «Партия шагает в революцию» секретарь прочитал мне, предисловие я продиктовала. Можете взять и то, и другое...

Настигшая Стасову слепота не расслабила воли к целеустремленной и деятельной жизни. Она охотно вызвалась помочь большому коллективу писателей в создании пяти томов — ста восьмидесяти художест-

венно-документальных произведений о друзьях, соратниках и современниках В. И. Ленина. И вот уже с двумя томами ознакомилась и высказала свои замечания.

Я начал благодарить ее, искренне восхищаясь столь необычайной работоспособностью. Но она отмахнулась от моих похвал, оборвала их на полуслове. Легонько хлопнув себя по лбу, досадливо произнесла:

— Чуть было не забыла обратить ваше внимание на очерк «Полководец». О Фрунзе. Не кажется ли вам название тесным, обуженным, как костюм, сшитый не по фигуре... Разве Михаил Васильевич был только полководцем? Только нашим красным Кутузовым?.. Нетушки! В нем полководческий гений удачно сочетался с удивительной способностью пропагандиста, страстного проводника и глашатая ленинских идей.

С несвойственной ей восторженностью Елена Дмитриевна заговорила об умении Фрунзе влиять на людей.

— «Влиять» не то слово,— уточнила она.— Михаил Васильевич внушал свою веру другим, вовлекал в борьбу до победы! — Стасова, чуть поразмыслив, назвала в доказательство своей правоты многих подпольщиков, полководцев, бойцов революции, оказавшихся в «силовом поле» Фрунзе.

Среди них промелькнула фамилия Карбышева.

— Вы имеете в виду генерал-лейтенанта Карбышева, героя? — переспросил я.

— Да-да! — подтвердила Стасова.— Влияние Фрунзе на Дмитрия Михайловича просматривается с достаточной рельефностью.

Мой давний интерес к личности Карбышева вспыхнул вновь с покоряющей силой. Невольно стал

расспрашивать о нем Елену Дмитриевну. А она не отмахнулась от моих расспросов. Не сказала, как иногда бывало: «Это к делу не относится, товарищ». Я почувствовал ее заинтересованность в разговоре о Дмитрии Михайловиче.

— Известно ли вам что-нибудь, Елена Дмитриевна, о его старшем брате?

— О Владимире Михайловиче Карбышеве? — уточнила она.— Это очень интересный человек. Загляните в архивы Казанского университета и жандармского управления. Поройтесь в документах, связанных с делом Александра Ульянова и его сообщников. Там вы найдете причастного к этому делу Владимира Карбышева и его близкого друга Константина Сараханова. Они были студентами старших курсов, когда в стенах университета появился Владимир Ульянов. Интерес к нему всеобщий. Брат казненного совсем недавно, всего за несколько месяцев до начала учебного года, участника покушения на императора Александра III... А познакомиться с молодым студентом юридического факультета труда не составляло. Варились в одном котле, вращались в одной среде... Вскоре оказались и в одной тюрьме...— Елена Дмитриевна спохватилась.— Да что мне вам рассказывать? Сами пойдите, поищите. Скажу лишь, что, знакомясь с архивными материалами, разговаривая с людьми, знавшими Дмитрия Михайловича Карбышева, я поняла: старший брат сыграл в его жизни примерно ту же роль, что Александр Ульянов в жизни Владимира Ильича Ленина. Правда, достигнув духовной зрелости, Дмитрий Карбышев опередил своего брата, оказался мудрее в понимании исторического развития, судеб нашей страны. Но привел в смятение его детскую душу, заронил в нее искру свободолюбия старший брат...

К. И. Величко.

Д. М. Карбышев (в центре) в крепости Перемышль. 1915 г.

В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе.

С. И. Гусев.

Е. Г. Решин.

Д. М. Карбышев (первый справа) на Киевских маневрах.

Г. Я. Калинин.

Е. В. Леошня.

А. В. Сухомлин.

И. Н. Рухле.

Заседание технического комитета Главного военно-инженерного управления Красной Армии. В центре — начальник Инженерных войск Красной Армии А. Ф. Хренов, второй слева от него Д. М. Карбышев. Март 1941 г.

— Елена Дмитриевна,— напомнил я,— вы говорили, что на Карбышева оказал большое влияние Михаил Васильевич Фрунзе...

— Об этом мне известно не из архивов. Я была секретарем Центрального Комитета партии. Ко мне стекались вести с фронтов гражданской войны. Не раз виделась, беседовала в ту пору и с Фрунзе, и с его комиссарами Сергеем Ивановичем Гусевым, Валерианом Владимировичем Куйбышевым, Бела Куном...

В подтверждение своей мысли Стасова привела интересный эпизод:

— Несколько раз хотели забрать Карбышева в аппарат Наркомата по военным и морским делам в Москву. Фрунзе не давал. А когда самого Михаила Васильевича перебросили с Восточного на Южный фронт, он добился разрешения вызвать Карбышева к себе в Харьков... Вскоре мы встретились с Фрунзе в ЦК. Беседовали о разном. Между прочим, я спросила его: «Неужели, Михаил Васильевич, вам так уж необходим Карбышев?» Он обратил свой ответ в шутку: «Понимаете, Елена Дмитриевна, наверное, мог бы и обойтись, хотя мы сдружились. Но есть одно непреодолимое и деликатное обстоятельство. Дал я Карбышеву изучать первый том «Капитала» Карла Маркса. Он ведь в царской Военно-инженерной академии в такие книги ни при какой погоде не заглядывал. Мне и захотелось по-настоящему приобщить его к марксизму. Пообещал консультировать и проверять, как он усваивает каждую главу... Дал слово — держи. А тут вдруг оказались на разных фронтах. Вот и пришлось взять его к себе. Мне-то к нему вернуться сложнее, на Украину назначен с ведома Владимира Ильича...

Шутка шуткой. А Стасовой доводы Михаила Васильевича показались достаточно серьезными.

— О влиянии Фрунзе на Карбышева мне говорил и Дзержинский,— продолжала Елена Дмитриевна.— Уж не знаю, где и когда Феликс Эдмундович познакомился с Карбышевым, но уверял меня, что назвал бы его убежденным и преданным фрунзенцем, если бы сам Фрунзе не был ленинцем.

В архиве Центрального музея Советской Армии нашелся документ, подтверждающий встречу Карбышева с Дзержинским. Это записка, написанная рукою Дмитрия Михайловича на листке блокнота, с припиской, сделанной Дзержинским.

В 1921 году Феликс Эдмундович по предложению Ленина был назначен наркомом путей сообщения. Одновременно он занимается решением топливной проблемы, налаживанием работы Донецкого угольного бассейна.

Вот почему врио (временно исполняющий обязанности) начальника инженеров всех вооруженных сил Украины и Крыма вместе с военкомом того же управления П. Комаровским, приехав из Харькова в Москву как раз по делам, связанным с Донецким угольным бассейном, поспешили в приемную Дзержинского. Дел у них невпроворот. А тут очередь, и у Феликса Эдмундовича какое-то срочное заседание.

Тогда Карбышев попросил секретаря передать наркому записку:

«Наркомпуть

тов. Дзержинскому!

По приказанию командующего войсками Украины тов. Фрунзе прибыл для доклада об арендовании военведом каменноугольных шахт в Донбассе.

Прошу указать, когда вы можете принять доклад.

Начинж УВО Карбышев
Военком П. Комаровский».

Феликс Эдмундович на том же листке ответил: «У меня сейчас заканчивается заседание. Обождите, пожалуйста.

Ф. Дзержинский».

Сразу же после заседания посланцы Фрунзе были приняты. Нарком убедился, что у Михаила Васильевича деловой и энергичный помощник.

Нашлось подтверждение и тому, что Фрунзе старался помочь своему другу — военному инженеру в изучении марксизма. Но об этом речь впереди...

Через неделю мы снова вели непринужденную беседу. На сей раз Елена Дмитриевна Стасова выглядела необыкновенно озабоченной.

— Такой беспокойный день,— сказала она, жестом руки предложив мне сесть.

— Если беспокойный, перенесем...

— Вы опять за свое, товарищ,— перебила она.— Приучайтесь к точности. Не откладываете никогда на потом, что наметили на сейчас...

В разговоре Стасова коснулась военной деятельности одного из соратников Владимира Ильича — Сергея Ивановича Гусева.

— А ведь Гусев воевал на двух фронтах вместе с Карбышевым...— не удержался я от реплики, горя желанием узнать что-нибудь еще о Дмитрие Михайловиче.

Елена Дмитриевна иронически улыбнулась.

— Кстати, о Карбышеве,— это прозвучало в ее устах вроде поговорки «ни к селу, ни к городу». И все же, пытливо взглянув на меня сквозь сильные очки, она смилостивилась и ответила.— Как вы правильно изволили заметить, Сергей Иванович воевал вместе с Карбышевым на Восточном и Южном фронтах. Гусев всегда считал его очень близким к партии

военным специалистом. Карбышев еще в восемнадцатом вошел в группу сочувствующих Коммунистической партии. И чем чаще Сергей Иванович наблюдал Карбышева в деле, тем больше укреплялся в своем мнении о нем. Гусев твердо верил — военный инженер, вместе с ним участвовавший в боях против Колчака и Врангеля, будет всегда с партией.

— Музей революции вы часто посещаете? — вдруг спросила Стасова. — Внимательно осматриваете стенды? Там под стеклом одной из витрин лежит небольшая зеленая тетрадка. Это единый партийный билет. Впервые его начали выдавать в ходе гражданской войны. Тот, что стал музейным экспонатом, получен в октябре 1920 года Сергеем Ивановичем Гусевым. Незадолго до перехода наших войск в общее наступление на Врангеля. И вот начался решительный штурм. В цепях атакующих находились тысячи коммунистов. У всех такие же партбилеты, как у Гусева, выданные перед боем.

В том бою на огненной переправе, на самых опасных участках, в самые критические моменты бойцы видели Фрунзе, Блюхера, Гусева, Бела Куна, Карбышева.

Дмитрий Михайлович сделал все, что в его силах, для успеха штурма. Не требовалось лучшей рекомендации в партию.

— Насколько мне известно, Карбышев вступил в партию гораздо позже. Как вы думаете, Елена Дмитриевна, почему он тогда, в годы гражданской войны, не сделал этого? — поинтересовался я.

— Дорогой товарищ, вы хорошо представляете себе обстановку того времени? А понятна ли вам психология бывшего царского офицера?

Стасова позвала секретаря, попросила его достать в книжном шкафу «Воспоминания о Ленине» Надеж-

ды Константиновны Крупской и прочесть страницу (она назвала цифру).

— Там должна быть моя закладка...

Секретарь достал книгу, полистал и начал читать:

«...Помню, я присутствовала при одном докладе Ильичу о том, как недоверчиво относились к старым военным специалистам красноармейцы. Вначале приходилось учиться у военных специалистов — это понимали и красноармейцы, но к военным специалистам они относились сугубо настороженно, ничего им не спускали, даже в области бытовой. Настороженность красноармейцев была понятна: старорежимный командный и начальствующий состав далеко стоял от солдат».

Елена Дмитриевна остановила секретаря:

— Погодите. Найдите, пожалуйста, то место, где говорится про письмо Дукельскому.— Обращаясь ко мне: — Оно было получено в ЦК из Воронежа.

Неожиданно в коридоре раздался звонок. Отдавая мне раскрытую книгу, секретарь показал пальцем нужный абзац: «Вот здесь» — и вышел из кабинета.

— Читайте, пожалуйста, вслух,— попросила Елена Дмитриевна.

В письме из Воронежа профессор Дукельский требовал «товарищеского отношения со стороны красноармейцев к спецам». Владимир Ильич ответил ему статьей в «Правде». В ней он потребовал товарищеского отношения спецов к красноармейцам. Крупская процитировала в своих воспоминаниях несколько строк из этой статьи: «...относитесь товарищески к измученным солдатам, к переутомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 222.

— Дукельский писал лично Ленину,— подчеркнула Елена Дмитриевна.— А Ленин ответил всем бывшим офицерам, всем старорежимным спецам — и военным, и гражданским... Карбышев,— предположила она,— без сомнения, читал ленинский ответ в газете. Но мог ли он принять упрек Владимира Ильича на свой счет? Нет! Дружеские, товарищеские отношения с рядовыми начали складываться у него еще до революции. Карбышеву не приходилось требовать к себе хорошего отношения со стороны бойцов Красной Армии, незачем было ему жаловаться на их настороженность. Он быстро нашел с ними общий язык. Они ему доверяли, выбрали командиром. В дружеских отношениях с ним были и Фрунзе, и Куйбышев, и Гусев. А вопрос о том, быть ли ему в партии, видимо, был для него не простым.

Вам известна его требовательность к себе. Вероятно, он считал, что пока еще не имеет морального права вступать в партию, так как слишком мало сделал для революции...

Мне захотелось узнать, когда и где познакомился Гусев с Карбышевым.

— Если не ошибаюсь,— ответила Елена Дмитриевна,— еще в Москве...

В ее памяти навсегда запечатлелась та суровая година. Конница генерала Мамонтова совершила стремительный прорыв во внутренние районы страны. Сюда же устремились полчища Деникина. Республика в опасности. Вражье войско так и рвалось к столице с разных сторон.

Ленин срочно создает вокруг нее глубокую оборону. Он собственноручно обозначает на карте границы Московского укрепленного района. Определяет узловые и опорные пункты обороны: Витебск, река

Днепр, Чернигов, Воронеж, Тамбов, Шацк и окрестности самой Москвы.

Вся эта территория была разбита на сектора и объявлена на военном положении. Само собой разумеется, Московский сектор — главный и по своему стратегическому значению, и по масштабам территории. В него вошли, кроме Московской, Тульская, Рязанская и несколько уездов Смоленской губернии. Московским сектором руководил член реввоенсовета республики Сергей Иванович Гусев.

Строить оборону без военных инженеров невозможно. Где же их взять? Гусев обратился за помощью к профессору Константину Ивановичу Величко, возглавлявшему коллегиию по инженерной обороне государства при Главном военно-инженерном управлении. Величко в числе других привлекает к оборонительным работам бывшего царского подполковника Дмитрия Михайловича Карбышева, кстати заметим, любимого ученика по Военно-инженерной академии и помощника в подготовке Язловецкого плацдарма для знаменитого Брусиловского прорыва в первую мировую войну.

В кругу армейских специалистов хорошо знали Карбышева. Успело дойти до молодой советской столицы донесение военно-революционного комитета 8-й армии из Могилев-Подольска: отрядный инженер красногвардейского полка с небольшим числом саперов, почти без транспортных средств сумел наладить стойкую защиту, укрепил позиции вокруг города и мосты на Днестре, благодаря чему было сорвано наступление частей белогвардейского генерала Щербачева.

Отрядный инженер — Карбышев.

Вскоре он вызван в Москву. Отсюда немедленно командировается в Тулу. После Тулы — новое поруче-

ние, чрезвычайно важное. Провести инспекцию инженерных работ в отрядах завесы на границе с Украиной, оккупированной войсками кайзеровской Германии. О результатах поездки Карбышев доложил Величко, который и передал материалы обследования Гусеву.

— Заочное знакомство?

— Полагаю, Сергей Иванович в Главном военном инженерном управлении не один раз бывал. Там впервые и свиделся с Карбышевым. А нам с вами, пожалуй, пора попрощаться,— сказала Елена Дмитриевна тоном, не терпящим возражения. Встала из-за стола и протянула мне руку

...Любопытные детали, характеризующие Карбышева, сообщила дочь Сергея Ивановича Гусева — писательница Елизавета Дробкина, автор популярной книги «Черные сухари». По счастливому стечению обстоятельств мы оказались соседями по дому.

Она знала Карбышева и по Харькову, и по Москве. Уверяла меня, что Дмитрий Михайлович многие годы внешне почти не менялся. Моложавый, добродушный, веселый. Сразу бросалась в глаза редкая по тем временам прическа с пробором посреди головы. Точно такая же, как у Михаила Николаевича Тухачевского и Бориса Михайловича Шапошникова.

Моя собеседница полагала: прическа — единственное, что осталось в Дмитрии Михайловиче от старого офицерского облика. Да и это ведь всего-навсего пустячная внешняя примета.

Высказала убеждение:

— Карбышев как никто другой мог бы преподавать правила поведения в обществе. Учить вежливому и учтивому обращению с людьми...

Моя соседка посетовала на то, что теперь в учебных заведениях этому мало уделяют внимания.

Запомнила она характерную для Дмитрия Михайловича манеру речи — спокойную, мягкую, приятную. А по смыслу речь его всегда была очень ясной, приковывающей внимание слушателей.

— Он нечетко произносил букву р. Вместе с нею, как будто прилипнув к ней, звучала буква л, но не было и в помине картавости.

— Часто ли бывал у вас Дмитрий Михайлович?

— Очень редко. Но родители встречали его с удивительным радушием, как давнего и доброго приятеля. Когда его знакомили с кем-либо из наших гостей, отец, рекомендуя, шутливо прибавлял: «Мы из одного профсоюза». Спрашивали: «Какого?» Следовал ответ: «Профсоюза чертежников». Возражали: «Такого нет». А он на это: «В наше время был. Для тех, кому кормилицей служила готовальня».

Сосланный в 1897 году в Оренбург, Сергей Иванович напечатал в местной газете объявление: «Даю уроки по предметам курса реального училища и принимаю чертежные работы».

Примерно такое же объявление в 1906 году приклеил к оконному стеклу своей комнаты Карбышев, уволенный из армии и оказавшийся без средств к существованию во Владивостоке.

Оба чертили безукоризненно точно, с профессиональной хваткой.

— Отец любил петь. В молодости его прочили в артисты оперы. Всех восхищал его мощный и сочный баритон. А уж народные или революционные песни вслед за отцом-запевалой у нас всегда пели многоголосым хором, — вспоминала Драбкина. — Но никогда в этом хоре я не слышала голоса Дмитрия Михайловича. Может быть, у него был плохой слух и он

стеснялся петь?.. Зато однажды, пока продолжался импровизированный домашний концерт, он нарисовал карандашом на листках блокнота моих родителей. Набросал смелой рукой, не пользуясь резинкой. И мать, и отец получились у него очень похожими и очень смешными. Нарисовал и отдал карикатуры на память хозяевам...

Сергей Иванович, добродушно посмеиваясь, называл Дмитрия Михайловича земляком, хотя Гусев родился под Рязанью, в Сапожке, а Карбышев — сибиряк, омич. Когда Дмитрий Михайлович появился на свет, родители понесли крестить младенца в Казачий собор. Монументальный собор возвышался над всеми строениями Омска, основанного при впадении реки Оми в Иртыш.

Сюда, в Омск, в январе 1909 года в снежную круговерть примчался на саях ссыльный большевик Гусев, бежавший из Березова. Сергей Иванович старался находиться в людных местах, где пришлый человек незаметен. Так ему поневоле пришлось отстоять богослужение в Казачьем соборе. Вот почему в шутку он и называл себя земляком Карбышева.

...Последний наш разговор с дочерью Сергея Ивановича Гусева был недолгим. И не у нее дома, а в Сокольниках, в пахнущем лекарствами холле больницы, куда я пришел ее навестить.

— Перед тем как сюда ложиться, — почти прокричала она, потому что не слышала себя без слухового аппарата, — перелопатила весь свой архив. Вас интересует Карбышев. А мой отец бережно хранил две его фотокарточки. Право не знаю, куда могли подеваться. На обратной стороне одной из них Дмитрий Михайлович написал известное изречение Максима Горького: «Лучшее наслаждение, самая высокая радость в жизни — чувствовать себя нужным и близ-

Первый комиссар

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет.

Н. А. Некрасов

Права, стократ права нестареющая русская пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься». Если судить не формально, а по существу комиссарской должности — воспитатель, наставник, — то первым таким комиссаром в жизни Дмитрия Карбышева, заронившим искру свободолюбия в Митину детскую душу, был самый старший брат его — Владимир. Самый старший потому, что Митя — самый младший. А посредине между ними еще четверо: два брата — Михаил и Сергей и две сестры — Евгения и Софья.

Их отец Михаил Ильич Карбышев, происходивший из казачьего сословия, питомец кадетского корпуса, ревностной службой достиг офицерского чина и боевых наград. Обзаведясь семьей, он обосновался в Омске. Здесь стал сперва делопроизводителем окружного интендантства. Затем помощником бухгалтера в окружном акцизном управлении.

Митя родился в октябре 1880 года. А осенью 1884 года его старший брат уехал в Казань учиться на медицинском факультете университета. Сдал Володя экзамены превосходно. Был принят, облачился в студенческую форму. Правление Сибирского казачьего войска назначило ему казенную стипендию.

Следовательно, Володя провел с Митей в отчем доме всего-навсего около четырех лет. Никакого значения, казалось бы, такой малый срок общения не мог иметь для мальчика.

Однако детальное знакомство с жизнью Дмитрия Карбышева убеждает в неоспоримом факте: раннее детство Мити украсил, сумел сделать радостным, а главное, навсегда памятным именно Владимир и никто иной из членов семьи.

Куда ближе Мите по возрасту был Сережа. Почти ровесник, только на год старше. И остальные не так уж далеко ушли от последыша — Женя старше на пять лет, Миша — на шесть и Соня — на семь лет. Но только Володя, которому при появлении Мити на свет было уже тринадцать, только он охотно возился с малышом, придумывал игры, водил на Иртыш купаться, учил плавать.

Все дети в семье Карбышевых учились. Девочки в гимназии, мальчики в кадетском корпусе и в фельдшерской школе.

Но учение давалось им по-разному. Володе чрезвычайно легко. Он не знал других отметок, кроме пятерок и даже пятерок с плюсом. Никто не замечал, когда он успевает сделать уроки. Придет, бывало, с занятий и к Мите. Играют, хохочут.

А когда малыш захворал оспой, Володя, единственный в семье, ничуть не боясь заразиться, подолгу просиживал у постели больного...

Митя выздоровел. Едва приметные оспинки остались на лице на всю жизнь. А из памяти на всю жизнь не выветрилась благодарность к старшему брату.

После отъезда Володи в Казань два года подряд Митя виделся с ним только в каникулы. А на третий не дождался брата.

Директор Казанского университета уведомил правление Сибирского казачьего войска: их стипендиат уволен как государственный преступник, арестован, посажен в тюрьму, предается суду. Он обвиняется в «близости к группе Александра Ульянова». При обыске у Владимира жандармы нашли запрещенную литературу, подпольные листовки и оригинал одной из них, написанной им самим. Листовка клеймила позором царских палачей, лишивших жизни тех, кто более всего имел на нее право.

Совсем недавно опубликован найденный в омском областном архиве документ, датированный 9 марта 1889 года по старому стилю. В нем омский полицмейстер доносит начальнику городского жандармского управления: «По собранным мною сведениям, оказалось, что состоящий под негласным надзором полиции в г. Омске Владимир Михайлов Карбышев — сын надворного советника Михаила Ильина Карбышева, служащего помощником бухгалтера Окружного интендантского управления Омского военного округа с содержанием 550 р. в год. Карбышеву-отцу 60 лет от роду, а жене его, Александре Ефимовой, 40 лет. Дети их: вышеупомянутый сын Владимир, 21 года, на службе в настоящее время не состоит, а в августе месяце текущего года должен ехать в 3-й военный отдел (Сибирского казачьего войска) для отбывания воинской повинности в 3-м полку, к чему и обязан на днях подпиской по требованию атамана означенного отдела». (К этому времени Владимир Карбышев уже отсидел около года сперва в казанской тюрьме, затем в сырой холодной одиночке омского тюремного острога.)

Значит, восьмилетний Митя снова был вместе со старшим братом в течение пяти месяцев. Как утверждает полицейский документ, Митя в это время го-

товился «к поступлению в какое-либо учебное заведение». Скорее всего занимался с ним Володя.

Жизнь семьи была несладкой. Давила материальная нужда. Зоркий полицейский глаз подметил это. «Кроме содержания по службе и собственного дома, меньшая половина которого отдается внаймы, Карбышевы других каких-либо средств и доходов не имеют»,— говорилось в этом же документе.

Настал срок для Владимира Карбышева снова расстаться с семьей. Бывший студент оказался на далеком Зайсанском посту Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской губернии рядовым 3-го полка.

...Мне не пришлось воспользоваться советом Стасовой, рыться в архивах. По опубликованным материалам ясно: Володя с юношеских лет дружил с Костей Сарахановым, сыном ссыльного поселенца-самоучки, который с невероятным трудом выбился в сельские писари. В семье Сарахановых — четверо детей. Отец постарался дать им хорошее образование. Константин на год раньше Володи стал студентом. Он и вовлек своего друга в политическую жизнь.

В Казани Сараханов поселился на улице Первая гора, в доме Ростовой, в комнате на втором этаже. А на первом просторную квартиру занимала семья Ардашевых, близких родственников Владимира Ульянова, ставшего студентом четырьмя годами позже Константина.

Разные факультеты, курсы, аудитории. Но разве это помеха для мятежной молодежи?! Они встречались и в земляческой столовой, и в коридорах университета, и в булочной Деренкова, которая фактически была вольной студенческой библиотекой, где они знакомились с запрещенной литературой, и в федосеевских кружках, и на молодежных вечерах у гостеприимных Ардашевых, в семье которых было пять

братьев и сестра. Кстати, ее жених дружил с Николаем Федосеевым.

Встречалась молодежь и по своим комнатам — то у Сараханова, то у его приятеля Дробыш-Дробышевского, снимавшего комнату в том же доме. То у студентов Баранова или Листова и его соседа Карбышева. Всюду велись жаркие политические споры и не менее жаркие баталии за шахматной доской. Новичок Владимир Ульянов, едва появившись в университете, сразу зарекомендовал себя азартным шахматистом.

Все же скажем прямо: в дальнейшем они пошли разными путями. Тот, которым следовал Владимир Карбышев, оборвался после тюрьмы и ссылки. Он не нашел в себе силы продолжать борьбу. Одолели болезни, приобретенные в тюремной одиночке. Изнурила солдатчина. Притупила волю горечь тоски по несбывшейся мечте: так и не стал врачом.

Правда, по разговорам в семье, к которым Митя чутко прислушивался, он надолго останется героем, бесстрашным революционером. Младший брат, конечно, не понимал, за что пострадал старший. Но обиды и оскорбления, нанесенные Мите в детстве сверстниками из-за брата, удары, полученные им от власть предержащих, когда наступила школьная пора, зародили в мальчишке сомнение в справедливости существующего строя.

В гимназию Митю не приняли. Ценой унижительных просьб отец определил его в Сибирский кадетский корпус. Да и то белой вороной: единственный кадет, не имевший права на казенное обмундирование и место в интернате.

На втором году его учебы отец умер. Материальное положение семьи осложнилось.

«Буду последним в правах, зато первым в де-

лах!» — так Митя решил про себя. Ущемленное самолюбие послужило укреплению воли. В характере все отчетливей проявляется настойчивость, упорство. Он не просто хорошо учится, а по всем предметам получает самый высокий балл. Усердие, прилежание, исключительные успехи вынудили начальство в 1894 году уравнивать Митю в правах с остальными кадетами. А еще через четыре года — в августе 1898-го — он оканчивает корпус по первому разряду с похвальным листом и памятным подарком: книгой-альбомом «Япония и японцы».

Кадету прочат карьеру архитектора, художника... Однако мать шестерых детей, вдова вынуждена «изъявить свое согласие» направить сына в Николаевское военно-инженерное училище. А если там не найдется вакансии — в Михайловское артиллерийское.

Вакансия нашлась. Митя прощается с родным Омском. Перед отъездом в Петербург долго разговаривал с Владимиром. Вернувшись из ссылки, тот женился на сестре Константина Сараханова — Алевтине, занял место отца в акцизном управлении, ждал ребенка. Сказал с грустинкой:

— Мне суждены благие порывы, но, увы, свершить ничего не дано. Плыл, плыл, да к берегу не доплыл...

Младший, напротив, уверен:

— Уж коли поплыву — доплыву!

Укладывая в плетеную корзину свои вещи и книги, Митя поверх всего положил альбом о Японии.

— Оставил бы дома — целее будет, — заметила мать. — Все равно тебе ни к чему...

— Почему? — возразил Митя.

— В Японии тебе не бывать, — поддержал мать Владимир.

— Как знать, — ответил Митя сразу обоим.

Забегая вперед, откроем читателю: через несколько лет молодой офицер — поручик Восточно-Сибирского батальона провел очередной отпуск в Японии. Дмитрий Карбышев прожил двадцать дней в Нагасаки. Не мог он только знать и не узнал того, что дивная красота, которой он любовался, будет повергнута в прах, варварски уничтожена. Погибнут или окажутся изувеченными и неизлечимо больными 75 тысяч жителей. Погибнут от сброшенной 9 августа 1945 года американской атомной бомбы...

Перед отъездом Митя Карбышев полон радужных надежд. Но на душе тяжело. Ему жаль оставлять больную, рано постаревшую мать, сестер и братьев, однокашников по корпусу, дом, в котором родился и вырос. Но тяжелее всего для юноши расставание с Владимиром, комиссаром его детства и отрочества, пробудившим в нем первые раздумья о долге и чести, о правде, за которую надо бороться.

Мы еще многого не знаем о Дмитриии Карбышеве. Мало сведений о его пребывании в Николаевском инженерном училище. Не известно, поддерживал ли он в эти годы связь с семьей.

Мать едва ли переписывалась с сыном. Из сестер и братьев ближе всего к нему был Владимир. Увы! Не сохранилось ни одного их письма друг другу. Скорее всего старший брат сознательно не отвечал младшему, не желая привлечь внимание петербургского начальства к Дмитрию, мешать его учебе. Местная полиция и жандармерия не оставляли Владимира в покое. Когда наследник престола, будущий царь Николай II, в конце минувшего, XIX века объезжал свои сибирские владения и вознамерился посетить столицу сибирского казачества, Владимира Карбышева посадили в тюрьму и продержали до тех пор, пока не простыл след царского отпрыска в Омске.

Боевое крещение

Не в храбрости, конечно, тут секрет.
Не в одоление страха. Это выше.
Ты словно тайным пламенем согрет,
Ты без усилья на вершину вышел.

Илья Сельвинский

Нет почти никаких сведений о друзьях Дмитрия Карбышева по Военно-инженерному училищу. Нашелся ли там у него близкий по духу человек — наставник, своего рода комиссар, каким был в его детстве и отрочестве брат Владимир?

Скорее всего не нашелся.

Николаевское инженерное училище имело репутацию образцового. Из стен его вышло много известных военных инженеров, изобретателей, ученых. Но ходила о нем и другая, «недобрая» слава.

Всего за несколько месяцев до того, как Дмитрий из захолустного Омска попал в шумный Петербург и с робостью приступил к сдаче приемных экзаменов (по сумме полученных баллов среди 94 принятых он оказался 78-м), все слушатели дополнительного — третьего курса подали рапорты о желании прекратить учебу и уйти на службу в армию. Это был коллективный протест против несправедливого отношения начальства к одному из юнкеров.

Несомненно, Карбышев знал об этом.

Видимо, слышал он и о том, что среди трудового люда столицы усиливается недовольство царизмом, угнетением. Вспыхивают забастовки, стачки... Рево-

люционное брожение охватывает и учащуюся молодежь, демократические слои студенчества.

Однако в годы учебы в Военно-инженерном училище Карбышев остается в стороне от политической жизни. Дмитрия захватили в полон топография, фортификация, теория сооружения кронверков и батарей, строительство дорог, мостов, переправ, архитектура и строевая подготовка... Его призвание — инженерное дело. Оно прекрасно, открывает бескрайние горизонты.

За один год Дмитрий добивается высоких оценок по математике, физике, тактике, артиллерии, фортификации, черчению, строевым занятиям и воинским уставам. При переходе из младшего в старший класс у него уже не 78-е, как при поступлении, а 26-е место.

А старший класс он оканчивает девятым! С высшим баллом — 12 — по ведущим предметам: долговременной и полевой фортификации, применению ее к местности, минному искусству, артиллерии, проектированию военных сообщений, топографическим съемкам, архитектурному рисованию, физике, строевым занятиям. И на стрельбах отличается особой меткостью.

Яснее ясного — для Дмитрия превыше всего учеба. Он влюблен в свою будущую специальность.

Эту юношескую увлеченность своим делом он сохранил и в зрелые годы. Лишнее подтверждение тому — воспоминания дочери Карбышева, Елены Дмитриевны. Ее отец приложил немало усилий, добиваясь того, чтобы она унаследовала его специальность.

Елена заканчивает десятый класс. А куда дальше? Все домочадцы принимали участие в обсуждении

ее будущности. В одном сошлись единодушно — пусть продолжает учебу, поступает в вуз, быть ей инженером.

А каким?

Не сразу пришло окончательное и твердое решение. Однако послушаем, что об этом говорит сама Елена Дмитриевна:

«...Папа никогда не навязывал своей воли, своего мнения, пользуясь положением старшего. Он всегда старался доказать свою правоту или представлял мне самой убедиться в ошибочности моего поступка... Он был внимательным и заботливым отцом... Я не представляю, когда у папы родилась мысль о том, чтобы я пошла учиться в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Возможно, когда во время одной из наших прогулок я по-ребячьи восторженно рассказала, как люблю море. Папа всегда поощрял мои далекие заплывы, причинявшие много забот дежурным ОСВОДа, мои многочасовые катания на шлюпке или байдарке.

— Ну что ж, займись гидротехникой, строй всякие там причалы, маяки. Борись со стихией! — сказал он, но я не придавала этому разговору серьезного значения и вскоре забыла о нем.

Вновь со мной он заговорил об этом месяца за три до окончания школы. Вечером я вошла к нему в кабинет, чтобы поделиться впечатлениями школьного дня. Выслушав меня, папа неожиданно спросил:

— Ну, а что же ты надумала делать после окончания школы?

— Как что? Пойду учиться в институт.

— В какой?

— В технический, конечно! А вот в какой точно, еще не решила, — смутившись, ответила я.

— А пора бы решить. Что ты скажешь о Военно-

инженерной академии? Знаешь, там есть морской факультет, тебя научат строить маяки, причалы, плотины.

Этот вопрос меня застал врасплох:

— Но ведь туда девочек не принимают...

— Девочек, конечно, не принимают. Но, во-первых, ты уже взрослый человек. А во-вторых, я думаю, что ты с мальчиками поладишь.

Я сначала не приняла всерьез это предложение. Но через несколько дней папа опять вернулся к нему:

— Я очень советовал бы тебе пойти учиться в академию. Ты получишь прекрасное образование, я-то это знаю. Подумай, Аленка.

Мысль о том, что я смогу учиться в академии, сначала меня увлекла. Я с детства постоянно вращалась в военной среде, привыкла и полюбила ее. Но когда узнала, что буду в академии единственной девушкой, мне стало страшно.

Наконец, поборов свои сомнения, я согласилась, и папа подал рапорт с просьбой принять меня в академию. С этого дня, о чем бы мы ни говорили, папа сводил разговор к рассказам о том, как он учился в этой же академии, каких специалистов она готовит, какие трудности могут встретиться на моем пути. Но время шло, а ответа на рапорт папа не получал. И я решила подать заявление в Московский авиационный институт, куда после короткой беседы в приемной комиссии и была зачислена.

Мы уехали отдыхать в санаторий. И вдруг в августе папе сообщили, что нарком обороны товарищ Ворошилов разрешил принять меня в академию. Как ликовал папа, и как растерялась я! Мне казалось, что судьба моя уже определилась, я уже чувствовала себя студенткой МАИ, и всякая перестройка пред-

ставлялась необычайно сложной. Папа не стал уговаривать, не настаивал, а просто сказал:

— Подумай еще хорошенько, Аленка, и через три дня скажешь мне.

Почти никто в санатории не одобрял папину идею «военизации» дочери, а многие даже осуждали его. Но на меня эти разговоры не действовали. После трех дней колебаний и споров с самой собой я окончательно решила идти учиться в академию. Это обрадовало папу, хотя он был твердо уверен, что я поступлю именно так.

И вот 31 августа 1938 года. Папа сосредоточенно точит карандаши и складывает их в свою полевую сумку, которая отныне будет принадлежать мне».

В 1940 году факультет, на котором училась Елена Дмитриевна, был переведен в Ленинград в состав Высшего инженерно-технического училища Военно-Морского Флота. Это училище она и закончила.

Дмитрий Михайлович сам отвез Елену в Ленинград. Ему хотелось побыть с нею несколько дней: ведь ей впервые предстояло долгое время жить далеко от родительского дома, в непривычных условиях. Отец знакомил дочь с достопримечательностями Ленинграда. Старался показать все, что врезалось в его память.

Когда они проходили мимо Инженерного замка, Дмитрий Михайлович вспомнил, как юношей впервые приехал в этот город, который приобщил его к инженерному искусству.

— Непременно побывай в Инженерном замке. Он воздвигнут по проекту Баженова и Бренна, в нем все гармонично...— Дмитрий Михайлович признался дочери, что дворец Павла I, где он учился, интересовал его только как произведение архитектуры. По его словам, в те годы он ни от кого никогда не слы-

шал о глухой мартовской ночи, когда в замке с согласия сына — наследника престола Александра — был задушен его венценосный отец Павел. Много позже он узнал, что именно Инженерный замок вдохновил юного Пушкина на оду «Вольность»...

— Вольностью и не пахло в училище!..

Но вернемся в далекую осень 1900 года. Дмитрий Карбышев окончил Николаевское военно-инженерное училище — очередной учебный барьер преодолен. С тем же волевым напором, как и кадетский корпус. Знания по многим предметам оценены высшим баллом. От учебы на дополнительном курсе Карбышев отказывается.

Начинается жизнь офицера — подпоручика, ротного командира Восточно-Сибирского саперного батальона, дислоцированного на Дальнем Востоке.

Из урочища Славянка под Владивостоком он попадает в Маньчжурию. Получает боевые задания. Руководит строительством военно-инженерных сооружений, подрывным классом батальона, а вслед за тем и телеграфным. Вот где впервые обнаруживается в нем талант педагога. И талант командира. Его назначили командовать ротой прямо из училища. Чтобы заслужить уважение подчиненных, юноше, вероятно, не раз пришлось держать серьезный экзамен на выдержку и такт в обращении со своими солдатами, которые были намного старше и с большим жизненным опытом. Он успешно сдал и эти экзамены. Его произвели в поручики.

Так промелькнуло три года.

Промелькнуло?

Только для нас. Потому что не удалось обнаружить архивные материалы, касающиеся этого периода жизни Карбышева, не удалось разыскать и его сослуживцев по батальону. А он сам, по присущей

ему от природы величайшей скромности, не оставил подробных воспоминаний, скупое делился пережитым. И в автобиографии ограничился упоминанием в несколько строк: «...прибыл в батальон в конце октября 1900 года. Вскоре батальон был переведен в Маньчжурию, а оттуда обратно в урочище Славянка Приморского края, под Владивостоком».

А дальше уже знакомое читателям:

«Перед русско-японской войной, в 1903 году, провел двадцать дней отпуска в Японии, в городе Нагасаки».

Зимой 1904 года Восточно-Сибирский саперный батальон получил боевой приказ: из урочища Славянка совершить вторично переход в Маньчжурию.

На полдороге настигла война.

Война! Первая в жизни Карбышева. Их будет у него еще четыре. Но и эта, первая, была опалена пламенем жестоких схваток и затяжных боев. Заняла значительный отрезок его ратного пути.

Как же вступил в войну молодой командир со своей ротой? Какие тяготы она вынесла, преодолела? Какими были ее встречи с врагом? Имея некоторое воображение, можно получить представление об этом, если прочитать до предела короткую справку. В ней упоминается большое число укрепленных Восточно-Сибирским саперным батальоном позиций, версты протянутых проводов войсковой связи, вереницы наведенных переправ, построенных мостов, участие в боевой разведке, помощь войскам в преодолении крутых и опасных перевалов.

Рота Карбышева побывала под Шахэ, Ляояном и Мукденем. Известно, что Дмитрий Михайлович 29 марта 1905 года производил рекогносцировку местности от Хайуена до рек Ляохэ и Маятадазыхе, промерял глубину этих рек, искал броды. В мае и июне

того же года Восточно-Сибирскому батальону пришлось отходить от Вафангау. Поручик Карбышев участвовал в жестоких боях. Он командовал отрядом геолографистов. Они шли впереди войсковых колонн, не раз вели перестрелку с японскими заставами.

Это уже не первое боевое крещение. За полгода до того Карбышев по дороге в Порт-Артур наткнулся на японскую засаду. Собрав казачьи посты в отряд, он с боем вывел его из окружения.

Пройдет много времени, пронесется как смерч еще одна — первая мировая — война, начнется третья по счету для Дмитрия Михайловича война — гражданская, когда он обронит в беседе с одним из своих комиссаров:

— Нет, я не опозорил, не осрамил фамильной чести Карбышевых, хоть война царской России с Японией и была позорно проиграна.

Полученные им в эту войну награды — убедительное тому свидетельство. Он заслужил в боях пять боевых орденов, в том числе орден Святой Анны с надписью «За храбрость». Такого ордена не было ни у кого из офицеров, съехавшихся со всей страны через несколько лет после падения Порт-Артура держать испытания в Военно-инженерную академию.

Неизвестно, был ли в годы русско-японской войны у молодого офицера своего рода комиссар. Возможно, и был. А может быть, и нет. Но вот в чем убеждает изучение важнейших событий из жизни Карбышева в этот период: он внимательно наблюдал, вдумчиво анализировал все, что происходит в стране, в армии, и не остался безучастным. Иначе не ушел бы из армии, точнее, не нашлось бы причины принудить его к такому шагу.

Историю увольнения приоткрыл дальневосточный краевед А. Чукарев.

Русско-японскую войну, как известно, начала в январе 1904 года Япония. Но царизм так же рьяно жаждал военных авантюр, как и чужеземные империалисты. Ему хотелось угаром шовинизма одурманить сознание народных масс. А им война, несправедливая с обеих сторон, была чужда. Она вызвала разорение крестьянских хозяйств, нищету и голод в рабочей среде, отняла у тысяч семей их кормильцев.

«Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие»¹ — так писал в ту пору Ленин. Этого мог не знать поручик Карбышев. Ленинские статьи он едва ли читал и не был знаком с гениальным ленинским прогнозом: потеря Порт-Артура — доказательство внутренней гнилости царизма, пролог его капитуляции.

Но Карбышев видел: самодержавие, а не русский народ виновно в позорном поражении. Не по газетам, а на практике прочувствовал он бездарность верховного командования.

Краевед Чукарев нашел убедительное подтверждение тому, что Карбышев был не только знающим и храбрым, но и заботливым командиром, разделял с солдатами все тяготы опасного ратного труда. За простоту в обращении, сердечность, скромность, отзывчивость они глубоко уважали и любили его.

После войны Восточно-Сибирский саперный батальон направлен во Владивосток, ставший с начала XX века подлинным центром революционного движения всего Приморья.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.

До солдат дошли вести о революции 1905 года, о Кровавом воскресенье в Петербурге, о баррикадах Красной Пресни в Москве. Большевистская пропаганда проникала за крепостные стены, в казармы. Среди солдат гарнизона началось брожение. Участились стычки солдат-фронтовиков с полицией и карателями — верными царизму частями, которые посылали на усмирение рабочих. Вспыхнули вооруженные восстания. Царским сатрапам удалось подавить их. Но не на шутку напуганный начальник Владивостокского укрепленного района генерал Мищенко, опасаясь новых революционных вспышек, поспешил отправить подальше ненадежные, готовые к бунту воинские части. Так Восточно-Сибирский саперный батальон оказался в Никольске-Уссурийском — городе по тому времени глубоко провинциальном, как будто спокойном.

Но и в нем бурлит политическая жизнь, действуют разные партии. Недавно созданный Союз крестьян Южно-Уссурийского края решает на своем первом съезде добиваться демократических порядков, созыва Учредительного собрания. Рабочие железнодорожных мастерских готовятся к стачке. Неспкойно и в саперном батальоне. Слух о предстоящем дележе помещичьих земель особенно возбуждает солдат. До них доходит и большевистское предупреждение: командование батальона намерено направить вас на подавление стачки железнодорожников и усмирение крестьян Григорьевской волости. Не стреляйте в своих братьев! Не позорьте себя!

В батальоне поднимается волна солдатского возмущения. Солдаты требуют: скорее домой! Командование батальона заявляет, что не может отправить их по домам: на железных дорогах Сибири и Забайкалья «пробки».

Волнения перерастают в шумные протесты. Громче всего звучат они в роте Карбышева. Ему приказано: усмирите бунтовщиков. А он встает на сторону солдат. Карбышев разъяряет им:

— Не «пробки» мешают вашему возвращению домой, а боязнь, что вы присоединитесь к восставшим!

Нашелся провокатор, донес начальству. Оно взъярилось: предать отступника военному суду. Ни один солдат не подтвердил доноса. Тогда командование передало «дело» в офицерский «суд чести».

В автобиографии Дмитрий Михайлович предельно кратко рассказал об этих событиях и об их финале: «В 1906 году я ушел с военной службы в запас. Причина — нежелание служить в царской армии. Поводом послужило предъявленное мне обвинение в агитации среди солдат, за что я привлекался к суду «общества офицеров».

Так завершился этот период в жизни Карбышева, по-видимому, очень важный для дальнейшего формирования его взглядов на жизнь, на судьбы России. Для того чтобы яснее понять, как шел этот процесс, хотелось бы знать, с кем общался Дмитрий Михайлович в эти годы, кто стал его другом, единомышленником. К сожалению, у нас почти нет сведений об этом. Правда, известны имена двух его сослуживцев по армии в период русско-японской войны, с которыми он сошелся ближе, чем с другими.

В упомянутой карбышевской синей тетради, заменявшей ему записную книжку, имеется адрес и номера служебного и домашнего телефонов Николая Николаевича Петина. Полковник царской армии был старше Дмитрия Михайловича на четыре года. Однако оба — воспитанники Николаевского инженерного училища. Петин получил диплом первого разряда на год раньше Дмитрия Михайловича. Раньше стал

командиром саперной роты и опередил Карбышева с поступлением в Военно-инженерную академию.

Проучившись в ней всего шесть месяцев, Петин ушел добровольцем на русско-японскую войну.

В это время они и встретились. Оба не робкого десятка, сходные по характеру, глубоко знающие фортификацию, умело применяющие ее в боевой обстановке.

После войны Николай Николаевич Петин, герой Порт-Артура, награжденный орденом Святой Анны, вернулся в академию. Заканчивая ее, он представил дипломную работу о роли инженерных войск в операциях у Ляояна и под Мукденом. То есть анализировал опыт как раз тех операций, в инженерной подготовке которых участвовал и Восточно-Сибирский саперный батальон, где особо отличилась рота Карбышева.

Петин мог подогреть интерес Дмитрия Михайловича к науке, одобрить его стремление получить высшее образование, к чему и сам тянулся. Задолго до ухода в запас Дмитрий Михайлович выписал необходимые учебники, начал серьезно готовиться в академию. С кем же, как не с Петиним, уже державшим испытания и пробывшим полгода в стенах академии, советоваться?

Карбышев сохранил дружеские отношения с Петиним на долгие годы. Забежим опять вперед. Расскажем об этой дружбе.

В первую мировую войну Петин — в свите генерала А. А. Брусилова, чьи армии после длительной осады взяли австрийскую крепость Перемышль, совершили знаменитый прорыв, названный Брусиловским. И в осаде, и в прорыве участвовал Карбышев; он проявил в обеих операциях особую находчивость и отвагу.

Третья встреча Николая Николаевича с Дмитрием Михайловичем произошла уже после Октябрьской революции на Южном фронте, которым командовал Фрунзе, а Петин был у него начальником штаба.

М. И. Сбойчаков, написавший книгу о Н. Н. Петине, рассказывая о решающих боях с Врангелем в Северной Таврии, отмечает: «...51-я стрелковая дивизия, прибывшая из Сибири, допекла врангелевцев настолько, что их газета писала: «Прибыла новая вымуштрованная дивизия — сплошь коммунистическая. Все командные должности заняты старыми офицерами, продавшимися большевикам. Во главе стоит немецкий генерал Блюхер, а начальник штаба у него молодой офицер Датюк, который занимается не только оперативными делами, но и ведет агитационную работу».

Не знали врангелевцы, что инженерная подготовка бойцов в Сибири проводилась под руководством Карбышева, а то бы обязательно упомянули его в числе бывших царских офицеров, перешедших на сторону большевиков.

После окончания гражданской войны Петин с Карбышевым часто встречались, бывая вместе с Фрунзе в частях Украинского военного округа. А когда Николая Николаевича откомандировали в Западную Сибирь, в каждый свой приезд в Москву он непременно звонил Дмитрию Михайловичу, посещал его в академии и дома.

Одна из встреч Карбышева и Петина состоялась в те дни, когда вся страна переживала тяжелую и горькую утрату — смерть Владимира Ильича Ленина. Они вместе ожидали траурный поезд из Горок на Павелецком вокзале. Вместе стояли в Доме Союзов в почетном карауле у гроба вождя. Об этом рассказывали многие, в частности генерал-лейтенант Николай

Андреевич Веревкин-Рахальский. Он стоял в почетном карауле одновременно с Петиным и Карбышевым, хорошо известными ему своим мужеством и стойкостью. Впервые он видел их со слезами на глазах. Не совладали с волнением, тяжким горем.

Следуя ленинским путем, советский народ восстанавливал разрушенное, строил социализм. Все эти годы Карбышев и Петин, как и некоторые другие старые военные специалисты, преданно служили своей социалистической Родине.

Выступая в Большом театре на праздновании восьмилетия Красной Армии, нарком К. Е. Ворошилов так характеризовал подобных людей: «Если по совести спросить меня, какая разница между Н. Н. Петиным, командующим Сибирским военным округом, и каким-либо другим командующим, партийным, я затруднился бы сказать... Этот беспартийный, как многие другие, как командующий Ленинградским военным округом тов. Шапошников, как командующий Западным военным округом тов. Корк... между этими беспартийными и нашими партийными товарищами по существу разницы нет никакой. Они такие же товарищи, и так же умрут по первому требованию рабоче-крестьянского правительства на своих боевых постах, как всякий другой партийный товарищ».

Все сказанное прямо относится к Дмитрию Михайловичу Карбышеву — сослуживцу и другу упомянутых наркомом военачальников.

Когда Петина назначили начальником Военно-инженерного управления Красной Армии, налаживается его сотрудничество с Карбышевым в области укрепления обороноспособности Красной Армии. Он приглашает Карбышева принять участие в комиссии по определению системы инженерного вооружения.

Привлекает к обсуждению временного проекта полевого устава РККА.

С годами все более крепла дружба Карбышева и Петина. Дочь Петина, Вера Николаевна, сотрудница парткома завода «Динамо», помнит, что в начале тридцатых годов у ее отца часто бывал Дмитрий Михайлович. Однажды за чаем Николай Николаевич откровенно поделился со своим другом:

— Зовут меня в партию... По-моему, мы засиделись, как старые девы, в беспартийных, то бишь в лояльных...

— Какие мы лояльные,— перебил запальчиво Карбышев.— Нам доверено Родину беречь...

— Тем более, Дмитрий Михайлович, пора нам расстаться со своей «лояльностью»...

Интересна и судьба второго сослуживца Дмитрия Михайловича по армии в годы русско-японской войны — Сергея Александровича Хмелькова. Его влияние на поручика Карбышева в тот период могло быть решающим. Сирота, репетитор ленивых «маменькиных сынков» с первого до последнего класса гимназии, перебивался с хлеба на квас, но своего достиг — стал студентом Харьковского технологического института. Можно сказать, чудом проник в высшее учебное заведение. И без всякого чуда, естественным путем проникся революционными идеями. Участвовал в студенческой забастовке. Исключен из института с «волчьим билетом» — без права поступления когда-либо и в какое-либо учебное заведение.

Все же Сергею удалось обмануть бдительное око властей. Он — кадет Московского пехотного училища. Успешно его окончил, стал командиром роты 133-го Симферопольского пехотного полка.

Неистребимое желание быть инженером заставило его снова держать экзамены, на сей раз в Военно-инженерное училище. Вот и оно позади. Хмельков — командир роты 21-го саперного батальона в Маньчжурии, по соседству с батальоном Карбышева.

Вместе воевали, встречались, беседовали: и о положении в стране, и о причинах поражения. Потом вместе учились в Военно-инженерной академии. После нее Карбышев выбрал Брест, а Хмельков — Осовец. В этой крепости в начале первой мировой войны Сергей Александрович умело обеспечивал оборону, участвовал в боях при осаде крепости противником, был контужен, отравлен газами. Из госпиталя опять вернулся в Осовецкую крепость, достраивать ее. Оттуда переведен на оборонные работы в районе Гродно, затем — на Святогорские и Пернавские огневые позиции.

Грянул Октябрь. Хмельков с основания Красной Армии — в ее рядах.

Известны встречи Карбышева и Хмелькова в период трех войн — русско-японской, первой мировой и гражданской. Известны их дружеские взаимоотношения в более поздние годы в Москве. Дмитрий Михайлович рецензировал книги Хмелькова. Доводилось и советоваться, и спорить, и критиковать друг друга, оставаясь при этом верными товарищами. Еще до окончания гражданской войны Хмельков стал преподавателем Военно-инженерной академии, затем профессором, кандидатом военных наук, видным ученым-фортификатором. И почти одновременно с Карбышевым он вступил в партию.

Так в повседневном общении с друзьями, в спорах и размышлениях о судьбах России формировались идейные взгляды Карбышева.

Цель

Я клоню к цели,
как стрелка компаса к полюсу.

Джек Лондон

Около двух лет провел Дмитрий Михайлович во Владивостоке. Портовый город. Его ворота в океан гостеприимно распахнуты, точно руки богатыря перед дружеским объятием. Такова бухта Золотой рог. От нее вверх по склонам Тигровой горы и Орлиного гнезда разбегаются улицы. Они достают до самого поднебесья — гигантский амфитеатр. На каждой улице теснятся дома. Их обитатели — моряки и воины, корабелы и грузчики, рыбаки и переселенцы из голодных губерний, иностранные шпионы и бродяги. Круглые сутки заполнены рестораны и харчевни. В гавань приходят торговые суда со всех континентов.

Именно здесь острее и раньше, чем где бы то ни было, дали о себе знать тяжкие последствия чуждой народу войны. Много раненых, больных, искалеченных. Почти все казенные здания превращены в госпитали. Не хватает врачей, санитаров, сестер милосердия.

Город неспокоен. Наводнен жандармами, полицией, войсками. Но ищут не японских резидентов, а русских революционеров. На каждом шагу встречаешь подозрительный взгляд шпииков. Нельзя заговорить с незнакомыми, встретиться троим на ули-

це — это уже толпа, свисток полицейского — разойдись!

А куда деваться запасному Дмитрию Карбышеву? Попытаемся представить себе его намерения, переживания. Ему двадцать пять. Офицерская карьера, превосходно начатая, резко оборвалась.

Куда же ему податься? Домой в Омск? Матери нет в живых. С братьями и сестрами связь потеряна. А тут еще удерживает его во Владивостоке вспыхнувшее сильное чувство любви. Дмитрий Михайлович ищет и не находит себе применения. На службу в государственные учреждения или к частным предпринимателям его не берут. Он вынужден пробавляться случайными заказами на разного рода чертежи. Ему трудно и морально, и материально. Роман в самое неподходящее время. Но любви все возрасты покорны, и никакие обстоятельства не могут ей помешать.

Быть может, именно она — молодая и пылкая любовь — подтолкнула энергичней готовиться в Военно-инженерную академию. А поступить туда не так-то просто, если не вернешься в армию.

В начале 1907 года царское правительство решило превратить Владивосток в неприступную крепость. Старые крепостные сооружения следовало основательно перестроить. Руководить предстоявшими работами могли только опытные офицеры. Их не хватало. Карбышев предложил свои услуги. Снова он командир роты саперного батальона.

Краевед А. Чукарев рассказывает об этом периоде жизни Карбышева: «Работы было много, крепость реконструировалась. Возводили бетонные форты вокруг Владивостока, на вершинах сопок расчищали площадки для орудий, строили укрытия для стрелков, пулеметные гнезда... Целыми днями Карбышева

можно было видеть на строительных объектах, а в остальное свое время он упорно готовился в академию».

Весной 1908 года Дмитрий Михайлович ушел из батальона, выдержал предварительные испытания в округе и уехал из Владивостока в Петербург.

Солнце одолевает этот путь за семь часов. Скорому поезду одиннадцати суток было мало. Прильнув к окну, задумчиво смотрел Карбышев на проносившиеся мимо горы и доли, леса и реки, унылые деревеньки, закопченные заводские и фабричные поселки. Сбегались к железнодорожным рельсам немощные тракты, перепоясанные полосатыми шлагбаумами.

Стояли в ожидании по обеим сторонам от шлагбаумов подводы, телеги, пролетки, просто пеший люд, иногда толпились цыгане. Брели по дорогам под усиленным конвоем ссыльные и каторжане. Их гнали в обратном направлении. Из центра в таежную глухомань. Глядя на лица окруженных конвоем людей, Дмитрий невольно вспоминал старшего брата...

Пока продолжается путешествие Карбышева, не мешая бегло обозреть происходящее в стране. Лето 1908-го на исходе. Больше года прошло с момента третьеиюньского государственного переворота. Помещик Столыпин председательствует в царском правительстве, черносотенцы зверски расправляются с участниками подавленной революции. Днем и ночью, без перерыва, заседают военно-полевые суды. Палачи вершат казни. По всей России вырос лес виселиц, прозванных народом «столыпинскими галстуками».

Тысячи революционеров погибли. Десятки тысяч — за решетками тюрем и острогов, сосланы в Сибирь. Ряды большевиков сильно поредели. Уцелевшие партийные организации — в глубоком подполье. Невмогуту тяжело, но борьба продолжается.

Дмитрий Михайлович, безусловно, знал о казнях, о бесчинствах черносотенцев — об этом сообщалось не только в большевистских листовках, нелегальных газетах, но и в правительственной печати с целью устрашения народа.

Поведение Дмитрия Карбышева в недавнем прошлом не оставляет сомнений в том, как он реагировал на происходящее. Его возмущало насилие, разнузданность реакции. Но на людях — сдержан. Об этом свидетельствуют воспоминания полковника Владимира Максимовича Догадина, товарища Карбышева по академии, сослуживца по Брестской крепости.

«В августе 1908 года в Петербург съехались со всех концов России сто офицеров разных родов оружия с целью держать вступительный экзамен в Военно-инженерную академию. Среди них было семь артиллеристов, один моряк и один из гвардейской пехоты; остальные — офицеры инженерных войск: саперы, понтонеры, минеры, воздухоплаватели и железнодорожники... Поручик Карбышев при сдаче экзаменов показал серьезную и тщательную подготовку. Как сейчас вижу его небольшую стройную фигуру у классной доски со слегка наклоненной головой и серьезным лицом. Он спокойно и уверенно отвечал на вопросы своего билета, чуть помахивая утвердительно правой рукой с мелком в такт своим словам...»

Экзамены закончены. За 25 дней сдано 23 предмета. Несмотря на то что все абитуриенты прошли довольно строгие предварительные испытания в военных округах, из ста офицеров экзамены выдержали только 30. На первом месте по баллам оказался моряк Ларинцев, избранный старостой младшего класса. Рядом с ним занял место в первом ряду посреди аудитории Карбышев. Пока еще он по успеваемости второй.

Слушатели не знакомы друг с другом. Видятся только на лекциях. Живут в разных районах столицы на частных квартирах. Гостей к себе не зовут: напряженная учебная программа — не передохнуть, да и мала стипендия. «Поэтому у меня, — объясняет Догадин, — не было возможностей ближе присмотреться к Карбышеву. Он был таким же, как и все остальные товарищи, только отличался большей сдержанностью и как бы настороженностью, которая казалась нам сужостью.

Зато после весенних экзаменов, на практике по геодезии, проводившейся в районе Парголово — Белоостров, к северу от Петербурга, мы несколько сблизились, — все офицеры жили во время съемок в деревне Юкки.

Жизнь у нас была напряженной и трудной. За один месяц каждому предстояло выполнить большой объем мензуальной, глазомерной, инженерной и геодезической съемок.

И вот здесь-то всех поразил Карбышев. Он обладал особым умением выполнять чертежи, артистически работал чертежным перышком.

В то время как мы наводили на план горизонтали очень осторожно специальным кривым рейсфедером, вращающимся по оси, Дмитрий Михайлович обходился обыкновенным чертежным пером. В его руке оно оживало и безошибочно бегало по листу ватмана.

В ответ на наше единодушное восхищение он, будто обмолвившись, заметил:

— Что ж тут удивительного? Ведь я около года зарабатывал себе хлеб этим делом.

Но он нам тогда не сказал, почему это так случилось. А мы, конечно, не стали его расспрашивать.

Только теперь мне стала понятна его замкнутость и занятие черчением, когда в его биографии я прочи-

тал о том, что он вынужден был уйти с военной службы в запас из-за обвинения в агитации среди солдат...»

Догадин приводит характерный эпизод. В старшем классе профессор дал задание на дом — составить и на следующий день принести проект свода. При выполнении этого задания Карбышев «показал удивительную работоспособность и явную склонность к детализации. Да еще какую-то вдумчивую обстоятельность при решении технической задачи.

Я навсегда запомнил тот день, когда мы принесли профессору показать чертежи сводов. У каждого из нас проект занимал половину ватманского листа, не больше, а то и меньше.

Карбышев подготовил столько вариантов свода, что чертежи его едва поместились на двух ватманских листах. Если бы мы не готовили этот проект одновременно, я бы никогда не поверил тому, что можно одному человеку столько успеть за одну ночь.

Нас изумила такая работоспособность. А он в ответ на наше изумление тихонько посмеивался и бросал в наш адрес в равной мере острые и добродушные реплики.

Готовность Карбышева выполнять задания педагогов тщательно, обстоятельно и быстро была исключительной...»

При поступлении и в младшем классе первенство по успеваемости, как уже было упомянуто, удерживал моряк Ларинцев. В старшем классе вырвался вперед Карбышев. На третьем, дополнительном курсе, предназначенном готовить офицеров корпуса военных инженеров, он уже никому лидерства не уступал, и его единодушно избрали старостой.

Оценивая по достоинству успехи своего товарища, Догадин приходит к выводу: «Быть лучшим из луч-

ших, занять первое место по успеваемости среди тех, кто прошел через все труднейшие барьеры и испытания... на такое был способен только человек, обладающий недюжинными способностями и характером бойца».

Весна 1911 года. Рассматриваются проекты выпускников. Председатель комиссии по фортификации — генерал Константин Иванович Величко, профессор, помощник начальника Главного инженерного управления, по проекту которого была построена крепость Порт-Артур.

Проект крепости Владивосток, разработанный Карбышевым, признается лучшим. Автор получает за него премию в 276 рублей. Сумма, безусловно, солидная. Но лауреату еще дороже то, что она установлена в честь генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко и его сподвижников — офицеров инженерного корпуса Порт-Артура.

Вакансии на инженерные должности в армии выпускникам академии предоставляют в соответствии с суммой баллов, набранных на выпускных экзаменах, не считаясь с чинами. Первым право выбора получил инженер-капитан Карбышев. Он мог бы пойти на строевую должность командира батальона. Однако, уверяет Догадин, «возвращаться в строй, учитывая его биографию, было не в расчетах Дмитрия Михайловича». Он выбрал должность производителя работ в Брест-Литовской крепости. Догадин, будучи вторым, последовал за товарищем — туда же и на такую же должность.

Приток реки

Настоящий друг везде
Верен в счастье и беде;
Грусть твоя его тревожит,
Ты не спишь — он спать не может,
И во всем, без дальних слов,
Он помочь тебе готов.

Вильям Шекспир

Брестская крепость. Ныне она стала народной святыней — памятником и пантеоном Великой Отечественной войны. Ее ежегодно посещают десятки тысяч людей. Ей посвящены романы и повести, рассказы и поэмы, о ней сложены песни.

Глубоко символично то, что с ее судьбой слита навечно, как приток с рекой, судьба Дмитрия Михайловича Карбышева.

В Музее обороны Брестской крепости отражены труд и подвиг военного инженера, генерала-героя.

Впервые он попал сюда летом 1911 года со своими товарищами по академии капитанами Догадиным, Максимовым, Алексеевым и Десницким.

Единственным наиболее подробным и достоверным источником, откуда черпаются сведения о работе и жизни Карбышева в Брест-Литовске, служат воспоминания Догадина. Из них ясно — инженерная карьера его ближайшего коллеги начата во всех отношениях удачно.

В ходе реконструкции VII форта Карбышева привлекли к проектированию отдельных сооружений.

В его проектах много оригинальных идей. Предусмотрена высокая механизация, использование в конструкциях тогда еще экспериментального материала — железобетона. Проекты были безоговорочно утверждены высшим начальством.

Через короткий срок, в сентябре 1912 года, Дмитрий Михайлович назначен старшим производителем работ. К маю четырнадцатого он сдает VII форт в эксплуатацию и приступает к проектированию и строительству нового форта — «литера И». Всего за несколько месяцев до начала первой мировой войны крестьяне-сезонники под руководством Карбышева успевают и этот литерный форт сдать в виде полевого укрепления.

Рабочий день прораба — не менее двенадцати часов: с шести утра до шести вечера, с перерывами только на завтрак и обед. Напряжение предельное, уйма забот. Карбышев бывает на стройке и среди ночи, хотя для поддержания порядка имеется дежурный офицер, а старшему прорабу, чтобы добраться до крепости и вернуться на свою квартиру, приходится отмеривать на велосипеде не менее двадцати пяти верст.

Сверхнагрузки внешне никак не отражались на Карбышеве. Всегда аккуратно одетый, тщательно выбритый, спокойный и вежливый, он отдавал распоряжения и даже выговаривал за проступки, не повышая голоса.

Догадин приводит в своих записках любопытные сведения о быте офицеров. Дмитрий Михайлович, в отличие от других, сразу устроился основательно, снял большую квартиру в три комнаты и обставил ее купленной в кредит мебелью.

Несмотря на то что Карбышев очень увлечен своим делом и почти не имеет свободного времени,

он не сторонится людей. В обществе товарищей — офицеров Дмитрий Михайлович пользуется всеобщим вниманием. Остроумный, интересный собеседник, ибо многое знает, побывал на Дальнем Востоке, в Китае, Японии, воевал на фронтах Маньчжурии, немало лет провел в Петербурге. Он владеет несколькими иностранными языками и среди своих коллег слывет человеком начитанным. Увлекается спортом, особенно лаунд-теннисом. Недурно играет в шахматы.

У Дмитрия Михайловича много друзей. Известны его приятельские отношения с Иваном Осиповичем Белинским, тоже старшим производителем работ, заведующим Волинским сектором крепости. С ним Карбышев познакомился раньше, в русско-японскую, под Ляояном; после Октября им доведется встречаться в Красной Армии, на фронтах гражданской войны, а позже — в Москве, в инженерном комитете Главного военно-инженерного управления, где Дмитрий Михайлович председательствовал, и в военных академиях, где оба преподавали. Они станут соседями, будут общаться семьями.

Генералу Белинскому суждено будет прожить более ста лет, и в свой столетний юбилей он с нежностью вспомнит погибшего в Маутхаузене друга, с которым столько связано.

Сблизился Карбышев и с заместителем начальника крепости полковником Николаем Владимировичем Короткевичем-Кошевым, с которым, что называется, они сошлись характерами. Длительной была дружба с Георгием Иосифовичем Лагорио, тоже заместителем начальника крепости, ведавшим технической частью строительства. Исключительно хорошие взаимоотношения сложились у Дмитрия Михайловича с Борисом Рафаиловичем Добошинским, старшим прорабом. Они поддерживали связь вплоть до Великой Отечествен-

ной войны. Сейчас на одном из стендов музея-крепости можно увидеть книгу Карбышева «Оборонительные работы по охране транспорта», подаренную Добошинскому в октябре 1930 года.

В ноябре четырнадцатого года, покидая крепость, Дмитрий Михайлович дарит свою фотокарточку Сергею Павловичу Лешкову — главному контролеру строительства. Их дружбу красноречиво подтверждают слова, написанные Дмитрием Михайловичем на обороте фотоснимка: «На память Сергею. 22.XI.14.XII форт».

Неверно считать Дмитрия Михайловича и убежденным холостяком. Он любил и был любим женщиной, которая последовала за ним из Владивостока в Петербург. Вместе с ним она переехала из Петербурга в Брест, и уют в их квартире на Петровской улице, в доме № 14, скорее всего ее заслуга.

Ее внезапную трагическую гибель Дмитрий Михайлович, отличавшийся верностью и постоянством в дружбе и любви, тяжело переживал и долго не мог смириться с постигшим его несчастьем.

За время пребывания в Брест-Литовске еще более усилилось недовольство Карбышева порядками, существовавшими в царской армии. Совершенно правы биографы Карбышева, утверждая, что его возмущали черепаши темпы реконструкции Брестской крепости, крайне скудные средства, отпускаемые казной. Сроки строительства были растянуты на десять лет. Объекты сооружали поочередно, вместо того чтобы вести работы одновременно широким фронтом.

Так нельзя готовить крепость к войне, считал Карбышев. Он оказался прав, 19 июля (1 августа) 1914 года началась первая мировая. Она застала крепость врасплох. Большинство фортов или не успели закончить, или строить вообще не начинали.

У Дмитрия Михайловича открылись глаза на серьезные пороки в крепостной и полевой фортификации. Перед ним встал вопрос — целесообразно ли расходовать громадные средства на крепости и форты, если армии противника могут атаковать и сокращать их с незащищенных флангов? А то и вовсе обойти стороной. И еще: правильно ли заранее готовить полевые позиции без учета возможных боевых действий, стратегии и тактики всех родов войск?

Ответ следовало искать не здесь, за крепостными стенами, в тылу, а в ходе боевых действий на фронте.

Стремление найти истину, убедиться в своей правоте — один из факторов, побудивших Карбышева отправиться на фронт. Другой фактор — беспредельная любовь к отчизне. Он еще не понимал, что эта война чужда народу и нужна только правящей верхушке, помещикам и капиталистам.

Так было до появления в его жизни комиссара. Он открыл глаза подполковнику Карбышеву на сущность империалистической бойни, разъяснил ленинскую позицию, обратил царского офицера в свою большевистскую веру, привлек на сторону народа.

Большевистское слово

Шагал комиссар сквозь
 стальной ураган,
К славе и к смерти готовый.
И было страшнее оружия врагам
Его большевистское слово.

Павел Железнов

В ноябре 1914 года Карбышев уехал на Юго-Западный фронт на Карпаты. Некоторое время он находился в непосредственном распоряжении своего учителя генерала Величко, начальника инженерного управления 11-й армии. Карбышев участвовал в подготовке нового штурма крепости Перемышль. Неожиданно 16 марта 1915 года австрийская дивизия генерала Тамаша, совершив дерзкую вылазку, попыталась уничтожить сооружения восточной осадной линии. На этом участке находился лишь один пехотный полк русской армии и ополченческая дружина. Австрийцы располагали большими силами. Их поддерживала крепостная артиллерия. Внезапность атаки, выгодный рубеж, удобный для нападения рельеф местности (крепость на горе, наши войска — в открытой долине) — все складывалось в их пользу.

Австрийцам удалось подавить огонь, принудить наших пехотинцев к отступлению.

Карбышев в это время находился поодаль от передовой, во второй линии окопов, следил за осадными работами. До его слуха дошла приближавшаяся

пальба. Выглянув из окопа, он увидел бежавших в тыл русских солдат.

Решение возникло мгновенно. Поднял своих саперов, бросился с ними на противника. Легкий, стремительный — в одной руке выхваченная из ножен и поднятая вверх шашка, в другой древко знамени, — Дмитрий Михайлович увлек за собой роту. К ней присоединились отступавшие солдаты.

Бой длился долго. Карбышев был ранен в левую ногу. Его доставили в госпиталь. Уже после операции он узнал, что австрийцы, понеся огромные потери, отступили и укрылись в крепости. Вскоре крепость пала.

За храбрость и отвагу Дмитрий Михайлович был награжден орденом Святой Анны второй степени с мечами. Инженер-капитан произведен в подполковники.

Саперы в контратаке? Ничего удивительного. Карбышева тянуло в пехоту, в сражения. Сказывалась его боевая натура. Кроме того, ему не терпелось проверить свои соображения по «осапериванию» пехоты. Лишний раз хотелось убедиться во вредности «фортификационной лапши» — так он называл традиционное расположение окопов длинной шеренгой без учета рельефа местности, тактики предстоящего боя и операции.

После госпиталя он снова в боях. Потом руководит строительством тыловых оборонительных рубежей под Киевом.

Как-то раз в летний знойный день, возвращаясь пешком с работы, Дмитрий Михайлович встретил в селе Шендеровка красивую девушку, которая приехала к своему брату — прапорщику Владимиру Опацкому. В разговоре с Карбышевым она призналась: сбежала из дому, чтобы стать сестрой милосер-

дия. Она стала сестрой милосердия (награждена за спасение раненых боевой медалью) и женой Карбышева. Это была Лидия Васильевна, верная спутница Дмитрия Михайловича на долгие годы, военные и мирные.

В годы первой мировой войны в строительстве оборонительных рубежей под руководством Карбышева принимал участие коренной питерец, воспитанник Николаевского военно-инженерного училища прапорщик Николай Федорович Григорьев, ныне советский писатель. Вспоминая эти дни, он рассказал несколько эпизодов, ярко рисующих характер Дмитрия Михайловича, его настроения, взаимоотношения с подчиненными. Вот отрывки из этих воспоминаний.

«...Точную географию места назвать уже не могу, забылось, но вижу мысленно реку Прут — голубую и стремительную... Держались слухи, что тут, на фланге русско-германского фронта, готовится наступление, которое должно решить победой затянувшуюся и осточертевшую всем войну. А раз наступление, то по законам военной грамоты войска должны иметь за спиной инженерно оборудованные тыловые рубежи. Один из них мы и создавали.

Ожидалось, что штурмующие войска возглавит генерал А. А. Брусиллов, за которым утвердилась слава талантливого полководца. В войсках ему верили, его любили.

...Первая встреча с новым инженером была для нас полна неожиданностей. Остановилась около нашего домика извозничья пролетка с солдатом на облучке. Приезжий не вызвал интереса. Никто из нас, офицеров, в первую минуту его и не рассмотрел. Решили — опять какой-то интендант ревизовать наличие материалов. Только глядим — на пороге смахивает пыль с сапог подполковник: погоны у него с са-

перными черными просветами, а повыше звезд переkreщенные топорики... Военный инженер!

Застигнутые врасплох, мы несколько мгновений молча из разных углов нашей общей рабочей комнаты пялились на вошедшего. Потом кто-то, спохватившись, гаркнул: «Смирно!» — и кинулся встречать подполковника рапортом.

А тот остановил рапортовавшего на полуслове и поспешил протянуть ему руку. «Карбышев», — назвался подполковник.

— Карбышев... Карбышев... — говорил он каждому из нас, внимательно глядя в глаза, когда мы по очереди стали подходить к нему, чтобы представиться. Обычно начальствующее лицо, принимая подчиненных, не называет себя, до этого не снисходит. Называть себя обязан представляющийся... Подполковник Карбышев, то ли невзначай, то ли намеренно пренебрег ритуалом. Это нам, вчерашним курсантам, не могло не понравиться...

Познакомились — и Карбышев, не входя в разговоры, шагнул к нашему рабочему столу, попросил убрать чертежные доски и развернул на столе карту. Пригласил нас всмотреться в обозначения на карте, и каждый узнал свой строительный участок. Мы невольно переглянулись: «Когда же это он успел объездить многоверстную линию укреплений?» Никто из нас и не видел его на месте работ. Однако еще больше нас озадачили расставленные на карте вопросительные знаки; к таблице военно-топографических символов они отнюдь не принадлежали.

«Что же это такое? Новый инженер бракует нашу работу?» — У офицеров вытянулись лица: столь многообещающе начатое знакомство, казалось, начинает омрачаться.

А Карбышев как ни в чем не бывало:

— Садитесь, господа, садитесь!

Расселись вокруг стола в степенном молчании, как на похоронах. Как-то не очень хотелось слушать, что будет здесь сказано, и я занялся разглядыванием подполковника... Карбышев был в поношенном армейском кителе и, быть может, поэтому без академического знака, который имел вид внушительный и даже несколько парадный... А вот белый наш эмалевый крестик на груди! Этот крестик присваивался воспитанникам Николаевского инженерного училища при производстве в офицеры. Состоял он как бы из четырех треугольников, соединенных вершинами, в центре знака — ювелирное, накладного золота изображение крепостцы с бастионами по углам.

Крестик у Карбышева — крестик и у меня на груди такой же. «Однокашник» — не формальное понятие. Я это почувствовал. Оно порождает чувство близости, и мне уже захотелось вникнуть в объяснения Карбышева: не спроста же он исчеркал карту вопросительными знаками! Однако инженер упредил меня:

— А вы, прапорщик, что на это скажете?

Застигнутый врасплох, я не сразу понял, что происходит у стола. Куда девалась сковавшая было офицеров холодная замкнутость! Никто уже не сидел, как вросший в стул, — люди вскакивали, тянулись к карте и там, на желто-коричневом с зелеными разливами лесов ее поле, толклись и сталкивались между собой пальцы спорщиков. Шум поднялся в комнате, прорывалась уже и запальчивость в голосах, а подполковник сидел, откинувшись на спинку стула, разругавшийся, улыбающийся, явно довольный развязанной им битвой у карты. В руке он держал карандаш — тупым концом книзу — и, следя за высказываниями, временами, в знак одобрения той или

иной мысли, с силой ударял карандашом по столу, восклицая: «Именно так!» Или: «Смелее формулируйте!»

Все это выглядело уже не как встреча подчиненных с начальником, а напоминало студенческий семинар. Иные даже уставной формой обращения стали пренебрегать: вместо «господин подполковник» то и дело слышалось «Дмитрий Михайлович». Не скажу, чтобы это мне нравилось, но сам Карбышев словно не замечал неуместной вольности... Он посадил меня рядом с собой перед картой. Тут из его уст я услышал такое, что все в голове перемешалось. Полевая фортификация — эта фундаментальная наука, питавшая в Николаевском училище наши военно-инженерные взгляды, нерушимая скрижаль, заповеди которой были не только обязательны, но бесспорны для саперного офицера, — эта наука вдруг объявляется несостоятельной...

Хочется, насколько позволяет память, воспроизвести некоторые мысли, высказанные Карбышевым за этой беседой у карты: они взволновали нас, молодых офицеров, свежестью, смелостью анализа и выводов, толкнули и самих заглядывать в глубь вещей, а в душе почти каждого из нас расшевелили что-то очень светлое.

Стараюсь припомнить и характер речи Карбышева, меткие сопоставления, которые сложное тут же превращали в простое и понятное.

Объяснив, что никакие скрижали не вечны, тем более в науках военных, которые пишутся, по существу, кровью солдата и с вступлением его, солдата, в бой, всякий раз обнаруживают теоретическую отсталость, Карбышев сказал, что в огне текущей войны погорели в существенной своей части и каноны полевой фортификации. Говоря это, он ввел в свою

речь новые для нас, его слушателей, понятия: «опорный пункт» и «узел сопротивления».

Карбышев растопырил пальцы.

— Представьте себе,— сказал он,— что каждый палец — солдат. Вот так, рядом, мы их и сажаем в окоп. Образуется шеренга, и тянем мы ее, тянем на много верст. Но шеренга хороша на параде. А здесь, на театре военных действий, при сильных огневых средствах, которыми характерна нынешняя война, оборона шеренгой не выдерживает удара, в чем мы на горьком опыте и убеждаемся.

Теперь Карбышев сжал пальцы в кулак. Сказал жестко:

— Ведь вот парадокс — любой мальчишка понимает, что защищаться следует не в растопырку, а кулаком! А мы? А мы, взрослые дяди, только перепачкавшись кровью сотен тысяч людей, доходим до этой премудрости.

В комнате затихли. Никто из нас еще не слышал таких обнаженных, ошеломляющих суждений о фортификации. А Карбышев вновь схватил карандаш и решительно, даже, как показалось мне, с ожесточением, принялся водить им по карте, очерчивая тут и там высоты, господствующие над местностью. Работая, говорил отрывисто: «Опорный пункт для взвода... Еще для взвода... Здесь расположен ротный гарнизон...» Поставив на карту руку, как пианист на клавиши, он объединил группу высоток и высот как бы в аккорд. Сказал: «Узел сопротивления...»

Дальше, когда дело дошло до инженерных подробностей, мы увидели из-под карандаша Карбышева как бы серию небольших, из подручных материалов, окопов-крепостей — в бою самостоятельных и вместе с тем по-братски поддерживающих друг друга ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем.

Карбышев опять помянул недобрым словом шеренгу, и сказанное им дальше особенно всех взволновало.

— Шереножные каноны,— говорил он,— утвердились во всем — и в фортификации, и в тактике обороны, и в наступлении. «По порядку номеров рассчитайсь! Направо равняйся!» — слышим мы не только на плацу, но и в науке. Солдат обезличен. Он не мыслящий воин, а номер такой-то...

Заговорил Карбышев о русском солдате, и взгляд его потеплел, голос стал глубоким, в нем открылись нежные струны. Казалось, подполковник решился допустить нас, молодежь, до тайников своей души, до чего-то заветного. И надо ли говорить, как мы были счастливы доверием человека, который уже завоевал наше уважение и симпатии.

— А ведь он богатырь, русекий солдат,— сказал Карбышев и помолчал, как бы с удовольствием прислушиваясь к звучанию этих слов. Но тут же хмуро добавил: — Богатырь, да скованный по рукам и ногам нашей армейской системой. Ведь это не празднословие было, когда Суворов называл своих солдат «чудо-богатырями». Вся Европа со своими фельдмаршалами и военными профессорами цепенела перед сокрушительными победами русского оружия... Разумеется, суворовскую, по внутренним своим связям во многом патриархальную, армию на сегодняшнюю нашу почву не перенесешь. Нынче армии массовые, многомиллионные, да и эпоха не та. Но убежден, что живая вода, которая способна поднять и распрямить солдата, воскресить его природные дух и могучую силушку,— не только в сказках...

Так он говорил, Карбышев. И мы, затаясь, жаждали услышать: в чем же, в чем эта живая вода? Только ли в преобразовании фортификации? Да, мы

поняли, что в фортификации рождаются новшества, которые перед каждым солдатом в обороне открывают путь к осмысленным действиям, будят в нем смекалку, стойкость, суворовское «сам погибай, а товарища выручай»; с восторгом присоединились к выводам Карбышева, когда он заявил, что обороноспособность войск, опирающихся на систему опорных пунктов и узлов, при правильном руководстве боем удвоится и даже утроится... Но ждали-то мы слов о живой воде иных, всеобъемлющих...

Глядим Карбышеву в рот — а он и умолк неожиданно... То ли воздерживался говорить о том, что издавна считалось запретным в военной среде, то ли сам для себя еще не выработал политического кредо...

...Вспоминается случай из тогдашней моей саперной службы на Карпатах. Растрассировал я на одной из высот окоп. Получил одобрение Карбышева. Поставил саперов с лопатами. Отмерил каждому урок, а сам с биноклем, компасом, уклономером, который подвешивается, как безмен, на палец, и, разумеется, с картой отошел в сторону, на соседний, свободный еще от работы рельеф. После импровизированного семинара, на котором Карбышев увлек нас новыми идеями в фортификации, каждый искал случая самому, без подсказки инженера, оформить опорный пункт, а то и узел сопротивления... Дмитрий Михайлович только поощрял такую инициативу молодежи.

Вот и я, лазая по холму и хватаясь за кустарники, чтобы не скатиться под откос, мысленно строил свой Верден, в котором уже видел двойника французской крепости, прославившейся своей стойкостью в этой войне.

Вдруг слышу окрик:

— Господин прапорщик, вас подполковник требует!

Я пошел на зов, не допуская и мысли, что случилось что-нибудь неладное. Карбышева я увидел не возле саперов, копавших окоп, а внизу, на равнине, или, говоря по-военному, в предполье создаваемых укреплений.

Подхожу, козыряю. Докладываю подполковнику:

— На опорном пункте номер такой-то поставлен взвод саперов. Окоп на переднем скате. Землю относят в тыл...

Карбышев быстро взглянул на меня, словно удивленный тем, что слышит, и молча кивнул в направлении этого пункта. Глянул я на плоды трудов своих саперов — и в глазах потемнело... Чудовищно! Зеленый, покрытый травкой откос холма обезображен вынутой наружу землей... Стою, не смея шевельнуться. Не доглядел за саперами. Не объяснил толком, что землю следует аккуратно ссыпать в мешки — и прочь подальше от окопа. А теперь не скрыт он от врага, не затаился в траве, а будто орет на всю окрестность: «Гляди, вот я, лупи из пушек!»

— Да,— сказал Карбышев в раздумье,— не маскировка у нас с вами получилась, а демаскировка...

«У нас с вами». Ушам я не поверил. Ждал от начальника взрыва негодования, разноса, а вместо этого лишь упрек. Да и упрека нет.

Тут во мне самом вскипел гнев, и в яростной потребности быть наказанным я вскрикнул:

— На гауптвахту меня, портача! Чтоб дело помнил, чтоб...

Карбышев поморщился и сказал неожиданно строго:

— Спокойно, прапорщик. Возьмите себя в руки. Властный взгляд, неотступно пронизывающий,

от которого не отведешь глаза,—и я подчинился воле этого человека. Не мог не подчиниться. И тут же остыл.

А у Карбышева опять уже только деловой вид, обычный для него, словно и не произошло ничего. Он сел на придорожный камень, снял фуражку, вытер лоб платком, на минуту с блаженным выражением на лице зажмурился. Потом, встрепенувшись, положил перед собой планшет с картой под целлулоидом.

— Ну что же,—сказал он, переходя к делу,— надо исправлять ошибку.—И, внимательно взглядевшись в меня, добавил с улыбкой.—А вы очень-то не огорчайтесь, юноша. С кем не случается...

Подари мне небо в это мгновение все блага жизни, какие существуют, подари самое солнце, я бы не был так счастлив, как от этой потрясшей все мое существо улыбки...

Так Дмитрий Михайлович преподавал мне урок самообладания. А смысл урока был таков: «Допустил в работе, в жизни промах и страдаешь, свет не мил. Требуешь себе кары. А по существу мало-душничаешь, стремишься, чтобы боль с души твоей сняли сторонние руки. Нет, ты перетерпи свою боль—это потруднее, чем принять наказание со стороны. Зато, если совладаешь сам с собой, считай, что укрепил свою волю кусочком стали...»

Очевидно, не без влияния Д. М. Карбышева Н. Ф. Григорьев после Октябрьской революции вступил в Красную Армию. В 1919 году он командовал бронепоездом в 44-й дивизии Н. А. Щорса.

Почему же Карбышев ничего определенного не сказал молодым прапорщикам о «живой воде»? Можно предположить вместе с Н. Ф. Григорьевым, что у Дмитрия Михайловича к тому времени еще

не сложились достаточно четкие политические взгляды.

Карбышев видел, что, несмотря на храбрость, стойкость и самоотверженность солдат, русская армия терпит поражение за поражением. Он возмущался невежеством, тупостью и продажностью отдельных царских военачальников, неспособностью царской администрации обеспечить армию достаточным количеством оружия, боеприпасов и снаряжения. Дмитрий Михайлович понимал, что это объясняется экономической и политической отсталостью России. По-видимому, он все более четко стал осознавать, что война, которую развязали правящие круги ряда стран, чужда русским солдатам, чужда народу.

Вставал вопрос, каков же выход из сложившегося положения, что делать, как жить дальше? Рядом оказался человек, который помог Дмитрию Михайловичу найти ответ на мучившие его вопросы. Это был солдат Макар Иванович Секачев — член армейского комитета, большевик.

Когда до 8-й армии дошли вести о Февральской революции, Карбышев искренне радовался. Командование Юго-Западного фронта устроило парад и молебен. У всех праздничное настроение, все возбуждены. На шинелях красные банты. Начальство поздравляло солдатский строй с восторжествовавшей свободой. Солдаты дружно кричали «ура!». Чиновники произносили пылкие и выпренные речи, называя Февральскую революцию «эпохальной».

Но время шло, а желанные перемены на фронте и в тылу не наступали. Война продолжалась, землю крестьянам не давали. В стране усиливались разруха и голод.

Как-то Дмитрий Михайлович откровенно, по-товарищески беседовал с Макаром Ивановичем Сека-

чевым. Солдат рядом с подполковником казался Гулливером — от крестьянского могучего корня, здоровяк. Стройный, плечистый, в рост вымахал на метр восемьдесят пять, не меньше. А взгляд полон доброты.

Секачев расколодил Карбышева. Февральская революция? Надежды не оправдала.

— Как так, почему? — спрашивал Карбышев.

— Не закончена революция. Продолжение следует...

— Какое еще продолжение? — недоумевал Дмитрий Михайлович.

— Я вам дам кое-что почитать, тогда поймете...

Так приобщался военный инженер к большевистскому пониманию происходящих событий.

Все большее влияние на солдатскую массу оказывали большевики. Их агитация стала открытой, по-настоящему боевой. Большевики разоблачали рассказы оборонцев-меньшевиков, эсеров, кадетов, обнажали сущность империализма, который не может жить без войн, насилия, угнетения. Уговоры приспешников Временного правительства воевать «до победного конца» не имели успеха среди солдат.

У Карбышева всегда были хорошие отношения с солдатами. Особенно сблизился он с ними после Февральской революции. Реакционное офицерство затаило злобу на подполковника: «якшается с солдатней». Припомнили старые грехи. Стали поговаривать о предании Дмитрия Михайловича «суду чести». Армейский комитет горой встал за своего командира.

Макар Иванович Секачев вел среди окопников большую работу: широко пропагандировал Апрельские тезисы Ленина, настраивал солдат на свержение Временного правительства. Сохранилась и опубли-

кована его памятная запись, сделанная 17 мая 1917 года: «Мы обнародовали письмо следующего содержания: «Протестуем против дальнейшего ведения войны и присоединяемся к тому мнению, чтобы были немедленно начаты мирные переговоры через представителей международного пролетариата... В войсках на передовой линии с каждым днем крепнет убеждение, что война народу не нужна, что нужно немедленное заключение мира, в противном случае придется окопным жителям самим заключить мир».

Дмитрий Михайлович ясно видел бесполезность огромных усилий и жертв, которые приносил Юго-Западный фронт (да и вся русская армия). Чувствовал всем своим существом правоту большевиков. Особенно после того, как сорвалось новое наступление 8-й армии,—противник прорвал русский фронт у Тернополя и заставил армию отойти назад.

Во время корниловского мятежа Карбышев среди тех, кто готов немедленно двинуться на его ликвидацию. Он голосует за большевистскую резолюцию — предать изменника суду трибунала.

Грянул Великий Октябрь. Дмитрий Михайлович одним из первых срывает погоны, снимает царские ордена. В 8-й армии старое командование было смещено. Ее возглавил военно-революционный комитет. И призвал подчиняться распоряжениям рабоче-крестьянского правительства, во главе которого стоял Владимир Ильич Ленин.

Завидное долголетие

Человеческое счастье?
Испытывать могучие стремления, быть
в созидательном огне. А несчастье?
Если содеянное тобой забудется и
канет в небытие.

Георгий Чичерин

В одной из бесед с Еленой Дмитриевной Стасовой зашла речь о том, кто познакомил Карбышева с Фрунзе.

— Полагаю, Куйбышев,— ответила она.— Валериан Владимирович обладал великолепным чутьем на людей даровитых и мастеровитых.— Елена Дмитриевна почти беззвучно прицелкнула музыкальными длинными и тонкими пальцами правой руки.— А тут неожиданная встреча с земляком. Родились на соседних улицах в Омске. Питомцы одного и того же кадетского корпуса. Глубокого корня казачьи отпрыски. Военная косточка у каждого в роду. Представляете себе эту встречу, товарищ...

Чтобы представить ее, пришлось рассказ Стасовой дополнить архивными сведениями и материалами кандидата исторических наук П. Д. Буряка о роли В. В. Куйбышева и Д. М. Карбышева в создании Самарского укрепленного района. (В 1952 году П. Д. Буряк сделал сообщение по этому вопросу на VII научно-технической конференции Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.)

...Осень, 1918 год. Идет гражданская война. Ленин еще в июле объявил главным, решающим судьбу революции Восточный фронт. Штаб его в Арзамасе. Сюда срочно направляется из Царицына военный инженер Карбышев. В Царицыне он руководил устройством полудолговременных сооружений из бетона и брони, укреплял с саперами подступы к городу.

В Арзамасе его ждет новое важное задание.

Начальник инженеров фронта Григорий Павлович Вискунов рад приезду однокашника по Николаевскому военно-инженерному училищу.

— Прибыли в добрый час, Дмитрий Михайлович,— обнимая старого товарища, сказал Вискунов.— Вчера штурмом взят Симбирск— родина Ленина. Бойцов повели за собой командарм Тухачевский и комиссар Куйбышев. Они сейчас там, в Симбирске. Ждут вас. Необходимо спешно укрепить город, подступы к нему. Вы назначены начальником 1-го военно-полевого строительства...

От Вискунова узнал Дмитрий Михайлович подробности победного штурма. Это было ярчайшим проявлением массового героизма. Как только до 1-й армии дошло горькое сообщение о злодейском покушении эсерки Каплан на вожда, Тухачевский и Куйбышев подняли бойцов по тревоге. Куйбышев зачитал экстренное воззвание ВЦИК ко всем Советам, всем армиям, всем, всем, всем честным людям! Ленин ранен двумя отравленными пулями. Состояние тяжелое... И тут же комиссар позвал бойцов в бой за город, где родился, провел детство и юность Владимир Ильич.

Призыв «Даешь Симбирск!» был повторен тысячекратно. Могучим вихрем белочехи и офицерские полки генерала Каппеля отброшены за Волгу. От

имени всей армии в Москву, в Кремль послана телеграмма: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Ответ Ильича не заставил себя ждать: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»¹.

В Симбирске Карбышев встречается с Куйбышевым и Тухачевским.

Валериан Владимирович — высокий, плотный, с большими, чуть выпуклыми глазами, светлыми, открытыми, ясными — чем-то напомнил Дмитрию Михайловичу старшего брата. Пышная вьющаяся шевелюра его не вмещалась под надвинутой на высокий лоб фуражкой. Он был замечен во всем — широкий шаг, громкая речь — и вместе с тем очень спокоен, железной выдержки и терпения. Куйбышев произвел огромное впечатление на Карбышева своей убежденностью, страстностью, волей к победе.

Валериан Владимирович, по-видимому, сумел сразу же разглядеть в своем земляке огромный инженерный талант. Его покорила увлеченность Дмитрия Михайловича своим делом, беззаветная преданность Советской власти.

Весть о том, что саперы под началом Карбышева сумели выполнить боевое задание в короткий срок, Куйбышев получил уже в Самаре. Почти сразу после освобождения Симбирска Валериан Владимирович отправился в 4-ю армию, куда его назначили

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 95.

комиссаром и членом Реввоенсовета. 4-я армия вместе с 1-й Революционной освободила Самару — еще одна «целебная повязка» была наложена на раны Ленина.

В пылу боев, стремительных и кровопролитных, в толчее всевозможных и безотлагательных дел, в потоке радостных и трагических событий ленинский комиссар Куйбышев не забывал инженера-фортификатора Карбышева.

Запомнил Дмитрия Михайловича и талантливый командарм Михаил Николаевич Тухачевский. Между ними установились дружеские отношения. А завязь таких отношений — в совпадении взглядов на перемены, творившиеся в России. Михаил Николаевич еще с весны 1918 года — коммунист. Дмитрий Михайлович близок к партии. Имеются у них и другие полюса притяжения: оба ярые противники «окопной войны» и горячие сторонники системы укрепленных районов, взаимодействующих с полевыми армиями. Общей была и склонность к научной работе, новаторству, поиску новых путей взаимодействия различных родов войск в наступлении и обороне.

И как личности — яркие, неповторимые — они оказались близки: не теряли при любых обстоятельствах бодрости духа, выдержки. А в критические моменты — мужества. Всегда подтянутые, тщательно выбритые, опрятные — в их внешнем облике отражалась как в зеркале внутренняя нравственная чистота.

...После отъезда Куйбышева в Самару Дмитрий Михайлович Карбышев выполнил еще одно очень ответственное задание командующего Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева. Возникла настоятельная необходимость создать на берегу Волги

систему укреплений, которые превратят ее в неприступный оборонительный рубеж.

А это немислимо без тщательной рекогносцировки ее берегов. Как же успеть в считанные дни, оставшиеся до ледостава, проделать сложнейшую работу на протяжении пятисот километров в пределах двух губерний (Казанской и Симбирской) — от Тетюшей через Сенгилей, Ставрополь, Самару до Сызрани?

«Надежда на вас, больше поручить эту работу некому» — так было сказано Карбышеву. И Дмитрий Михайлович взялся выполнить в невероятно сжатые сроки глазомерные съемки и эскизные чертежи позиций.

Карбышеву, назначенному начальником рекогносцировочной группы, было выделено считанное число людей, оружие, пароход и несколько карт-десятиверсток.

Путь оказался необычайно тяжелым. К тому же не все помощники добросовестно относились к работе. А Дмитрий Михайлович всегда был одинаково требователен к себе и другим. Он отнюдь не принадлежал к добрячкам, противным его нраву, к тем, кто склонен не заметить, пройти мимо любого проступка. Он мог простить самый серьезный промах, сделанный невольно, по незнанию, и был безжалостен к лодырям, очковтирателям, саботажникам.

Выполнив задание за восемь суток (именно суток, а не дней, ибо спать приходилось два-три часа в сутки), Карбышев по возвращении из экспедиции потребовал предать суду нерадивых работников.

Сам же он в назначенный срок сдал командованию уже упоминавшиеся материалы по рекогносцировке с пояснительной запиской, чертежами фортификационных сооружений, указанием мест для ар-

тиллерийских батарей, пулеметных гнезд с панорамными видами важнейших укреплений и сметой на производство предстоящих работ.

Читатели знают, что эта рекогносцировка была признана командующим Сергеем Сергеевичем Каменевым образцовой. В своем приказе он выразил автору благодарность «за добросовестно и прекрасно выполненную работу», велел немедленно размножить эти материалы и распространить их в войсках фронта как пособие не только для саперов, но и для командиров всех родов войск. Позже «Образцовая рекогносцировка...» была издана в виде альбома и стала учебником для кадрового офицерства вплоть до Великой Отечественной войны.

Совсем недавно та же работа вновь увидела свет в посмертном издании «Избранных научных трудов» доктора военных наук, генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева.

Завидное долголетие!

После проведения рекогносцировки на Волге Дмитрий Михайлович получил сразу два очень важных назначения: начальником 6-го военно-полевого строительства и одновременно начальником инженеров фронтового Самарского укрепленного района. Понятно, что ни одно из этих назначений не могло состояться без одобрения или прямой рекомендации секретаря Самарского губкома партии, председателя Самарского ревкома, являвшегося также комендантом Самарского укрепленного района, Валерияна Владимировича Куйбышева.

Ноябрь 1919 года. Ставленник Антанты адмирал Колчак перешел в наступление. Он рассчитывал, захватив переправы и мосты через Волгу, двинуться к Москве. Необходимо сорвать его опасные замыслы. Противник не должен проникнуть на запад-

ный берег Волги — такова задача, поставленная Лениным.

Куйбышев поручил начальнику 6-го военно-полевого строительства Карбышеву укрепление самого ключевого участка обороны — Самарской луки. «Если возникнет какая-нибудь заминка, обращайтесь прямо ко мне», — сказал Валериан Владимирович.

«Ему я подчинялся непосредственно», — пишет в автобиографии Карбышев. Вспоминая ту пору, он с восхищением отзывается о своем начальнике: «Перегруженный административной и партийно-политической работой, В. В. Куйбышев объезжал вместе со мной отделы строительства не только днем, но и в ночное время. Ряд ночей ему приходилось работать совершенно без сна...

Объезжая район, тов. Куйбышев на месте знакомился с состоянием оборонительных работ, делал необходимые замечания, давал указания и санкционировал мои распоряжения. Благодаря такому живому руководству работы развивались полным ходом».

Это все по службе. А как сложились их личные взаимоотношения?

Павел Дмитриевич Буряк, преподаватель истории партии Военно-инженерной академии, сразу же после войны начал готовить кандидатскую диссертацию о деятельности В. В. Куйбышева на Восточном фронте. Он внимательно изучил личный архив В. В. Куйбышева, документы тех лет, встречался и беседовал с сестрой Куйбышева — Еленой Владимировной, с участниками гражданской войны на Волге. Его поразило множество материалов, подтверждавших содружество Куйбышева и Карбышева. Елена Владимировна хорошо знала Дмитрия Михайловича и его жену Лидию Васильевну, которые

бывали у Куйбышевых в гостях. Часто Карбышев засиживался у Валериана Владимировича в кабинете до полуночи — набрасывал проекты, которые тут же обсуждались. На следующее утро эти проекты рассылали на участки, где возводились укрепления.

Куйбышев и Карбышев со всей страстью и порывом претворяли в жизнь задание председателя Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленина — срочно превращали Самарскую луку Волги в неприступную для Колчака крепость. Она и стала такой благодаря тому, что Дмитрий Михайлович впервые осуществил здесь на практике идею полевого укрепленного района, надежно прикрывающего тылы и являющегося удобным плацдармом для развития наступления Красной Армии. Карбышев энергично помогал Куйбышеву создавать условия для переброски хлебных ресурсов из Поволжья в Москву и Петроград.

Под непосредственным влиянием Валериана Владимировича Куйбышева продолжалось дальнейшее идейно-политическое формирование Карбышева. В боях гражданской войны проверялась твердость убеждений, закалялась воля будущего героя Великой Отечественной войны.

В автобиографии Дмитрия Михайловича упоминается интересный факт из его жизни в период работы в Самарском укрепленном районе: «Декабрь 1918 года. Участвовал в подавлении кулацкого восстания в районе Сызрани. Был в бою».

В статье, напечатанной в журнале «Техника и вооружение» (№ 1 за 1940 год), приоткрываются некоторые подробности этого боя: «Особый революционный отряд медленно продвигался по незнакомой лесистой местности. Впереди чернела лощина, где засели кулацкие повстанцы. Командир разделил

свой отряд на три части. Во главе группы, двигавшейся к правому флангу, был военный инженер Карбышев. Красные воины незаметно подкрались к врагу. Когда они почти вплотную подползли к ложнине, Карбышев подал сигнал к наступлению. С криками «ура»... бойцы ринулись в атаку.

Силы были неравные. Бандитов оказалось вчетверо больше. Однако на помощь спешили другие бойцы отряда. После жаркого боя мятежники были добиты в своем логове...»

Карбышев участвовал и в других боях. Бандиты нападали на строительные объекты. И он громил их, собрав своих строителей в боевой отряд.

В феврале 1919 года Валериан Владимирович познакомил Дмитрия Михайловича с Фрунзе, которого назначили командующим 4-й армией и Южной группой войск Восточного фронта¹. Карбышев стал его верным помощником и не один год работал под его началом. Михаил Васильевич всегда испытывал к нему чувства глубочайшего уважения и горячий привязанности и с неохотой отпускал от себя, когда того требовали государственные интересы.

А с Куйбышевым, после того как он уехал из Саратова, Карбышев встретился лишь несколько лет

¹ Задолго до личного знакомства с Карбышевым Михаил Васильевич Фрунзе мог слышать о нем от своего брата. Военврач Константин Васильевич Фрунзе — сослуживец Дмитрия Михайловича по русско-японской войне. После нее, в 1906 году, в селении Петропавловском (Чистопольского уезда Казанской губернии) Константин в течение месяца укрывал Михаила от жандармов. Не исключено, что во время долгих бесед братьев упоминалось имя храброго и честного офицера, дерзнувшего воспротивиться воле монархического начальства и встать на сторону солдат. Это могло способствовать более быстрому сближению Фрунзе и Карбышева, когда они встретились в годы гражданской войны.

спустя. В архиве найдено убедительное доказательство тому, что Куйбышев помнил своего соратника по Саратовскому укрепленному району.

2 июня 1923 года Пленум ЦКК принял постановление об обследовании ряда ведущих наркоматов. В. В. Куйбышев, в то время заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны, возглавил эту работу. Кроме того, он председательствовал в специальной комиссии особой государственной важности: по проверке военных, промышленных и морских ведомств, а также Главвоздухофлота, Балтфлота и четырех военных округов — Московского, Северо-Кавказского, Украинского и Западного.

Группы обследователей подбирались с подобающей тщательностью и строгостью. В них входили люди, пользовавшиеся у партии и правительства полнейшим доверием и авторитетом. Во главе такой группы по проверке инженерных войск и их снабжения всем необходимым Валериан Владимирович утвердил Д. М. Карбышева, председателя инженерного комитета Главного военно-инженерного управления Красной Армии, и старшего инспектора ЦКК И. А. Скворцова.

Обследование заняло около полугода. В процессе выполнения его обширной программы Дмитрий Михайлович выезжал в войска, созывал совещания по наиболее острым проблемам, изучал и обобщал полученные материалы. Так вырабатывались предложения по устранению выявленных недочетов, намечались пути развития инженерных войск, роста производства необходимой им современной техники.

16 января 1924 года Карбышев и Скворцов представили председателю комиссии доклад, который лег в основу программы совершенствования военно-инженерного дела в Красной Армии.

Следы на земле

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячулетний.

Муса Джалиль

С генерал-лейтенантом инженерных войск Евгением Варфоломеевичем Леошней меня познакомил его тезка Евгений Григорьевич Решин.

Оба — друзья Карбышева.

Евгений Григорьевич — с грозовой поры гражданской войны. Он был комиссаром 6-го военно-полевого строительства на Волге, которым руководил Дмитрий Михайлович. Здесь, в Самарском укрепленном районе, встретились молодой доброволец Красной Армии, не имевший почти никакого военного опыта, и опытный военный инженер, бывший царский подполковник, испытанный в боях. Карбышев на тринадцать лет старше Решина. Революция свела их вместе всего-навсего на несколько месяцев. Но те месяцы, когда они были вдвоем, — не простые, а фронтовые. Из-за каждого угла в любую минуту их подстерегала смертельная опасность. Товарищество родилось и крепло в ратном труде, в бою. И в них держало испытание на верность.

Взаимная приязнь молодого комиссара и умудренного фортификатора переросла в дружбу на всю жизнь. Евгений Григорьевич Решин постарался рас-

сказать о Дмитрие Михайловиче все, что запечатлелось в памяти. Его книга «Генерал Карбышев» изобилует интересными и важными фактами, опирающимися на прочную документальную основу.

Не меньшее значение, чем книга, имеет неустанная деятельность Решина совместно с Леошеней, другими друзьями Дмитрия Михайловича и старшей дочерью героя Еленой Дмитриевной по развитию стихийно возникшего движения юных карбышевцев. Оно с каждым годом расширяется. Только карбышевских пионерских дружин и отрядов в СССР насчитывается более трехсот. Число их продолжает расти, работа приобретает все большие масштабы. Созданы десятки школьных музеев, проводятся пионерские сборы и слеты, посвященные жизни и деятельности генерала Карбышева. Устраиваются вечера, походы по местам боев, фестивали дружбы, спортивные состязания в честь героя.

Ветераны Великой Отечественной войны, ученики и последователи «инженерной школы» Карбышева энергично поддерживают и пропагандируют патриотическое движение, названное его именем.

Среди них — верный друг и ученик Дмитрия Михайловича — Евгений Варфоломеевич Леошеня. Он — ровесник нашего века, на целых двадцать лет моложе Карбышева. Впервые услышал о Дмитрие Михайловиче в конце гражданской войны. Но судьба Карбышева крепко связана с судьбой потомственного пролетария и коммуниста из поселка Альбертин Гродненской губернии в Западной Белоруссии.

Евгений пошел по стопам отца — слесаря, большевистского вожака, участника революции 1905 года. С десяти лет мальчик трудится на фабриках и заводах. В Петрограде, куда семья Леошеней переехала после захвата кайзеровскими войсками За-

падной Белоруссии, Евгений вместе с отцом работают шлифовщиками шрапнельных пуль.

И всегда парень тянулся к учению. Он учился в Альбертине, Слониме, Питере и Юзовке. В результате сумел получить неполное среднее образование.

После возвращения семьи Леошеней в родной поселок Альбертин шлифовщик шрапнельных пуль стал работать учителем в школе двух деревень — Жеребиловичи и Циунцы. А когда в Белоруссии установилась Советская власть, крестьяне выбрали учителя секретарем сельсовета.

В 1919 году Евгений Леошеня вступил добровольцем в Красную Армию. Грамотного юношу, знакомого с техникой, умеющего читать чертежи, направили на Московские военно-инженерные курсы командного состава.

Вскоре курсы перевели в Киев, реорганизовали в военно-инженерную школу. Курсант стал командиром взвода 3-го понтонного батальона. Его приняли в партию.

Курсанты совмещали учебу с практикой: выезжали на Южный фронт и в составе Киевской курсантской бригады вместе с частями Красной Армии вели бои против Врангеля и банды Махно.

Тогда ли на фронтовых дорогах молодой курсант впервые встретил Карбышева или в военной печати читал его острые полемические статьи и запомнилась фамилия автора — точно сказать Леошеня не может. Да это и не важно. Гораздо важнее тот интерес, который возбудили в нем смелые высказывания Дмитрия Михайловича. Они противоречили тому, что внушали Евгению в военно-инженерной школе почтенные специалисты-преподаватели.

Преподаватели утверждали: инженерные войска в армии — самостоятельная держава. Они выбирают

и готовят позиции, которые занимают пехота, кавалерия, артиллерия... Фортификаторы по своему разумению организуют и ведут необходимые работы, никто не вправе давать им указания, а тем более судить об их работе!

А Карбышев низводит державу в сателлиты, в спутники. Превыше всего ставит тактику и оперативное искусство общевойсковых частей и соединений: только им, и прежде всего пехоте, дано понять и оценить достоинства и недостатки фортификационных укреплений.

Но и этого мало. Пехоте, считает он, надо самой уметь выбирать позиции и строить полевые фортификационные укрепления, не дожидаясь саперов. Она должна быть «осаперена». Даже слова такого в армейском языке раньше никто не слышивал. Придумано Карбышевым. А общевойсковому командиру необходимо знать и тактическую сторону фортификации. Иначе он — неполноценный командир.

Карбышев напоминает уроки прошлого. Советует прислушаться к тому, что говорит история устами Петра I: «Зело надо, чтобы офицеры знали инженерство...» Как участник русско-японской и первой мировой войн Карбышев свидетельствует: «...значительную лепту в причины нашего поражения внесла «фортификационная диктатура».

Опять новость. Никогда раньше не существовало такого термина — фортификационная диктатура. В чем ее суть? А в том, что пехоту «всаживали в искусственные, чуждые ей по духу и тактике фортификационные схемы». А самостоятельно она, увы, была беспомощна. Солдаты-пехотинцы не умели окапываться, надежно защищать себя от вражеского обстрела, подготавливать выгодные позиции для атаки.

Не Леошене, командиру роты понтонного батальона, решать споры, возникшие в кругах высшего командного состава. Но доводы Карбышева кажутся ему вескими.

Молодой командир не бросал учебы. Читал специальную литературу. Попадались ему и пособия, написанные Карбышевым. Старался в них разобраться, усвоить его советы и рекомендации.

Изредка Евгению Варфоломеевичу доводилось видеть Дмитрия Михайловича. То на учениях, то на больших маневрах.

Настоящее же знакомство Леошени с Карбышевым следует отнести к лету 1925 года. В лагере на Трухановом острове под Киевом Дмитрий Михайлович инспектировал сбор саперных частей Украинского военного округа.

В третьем отдельном понтонном батальоне он пробыл трое суток, причем от подъема до отбоя. Пристально изучал распорядок в роте Евгения Варфоломеевича. Старался побывать на всех занятиях. Не пропускал методической учебы с командирами взводов. Зорко наблюдал за наводкой понтонного моста через Днепр и за сборкой перевозных понтонов. Он успел внимательно осмотреть и батальонный саперный городок, а в нем отдел заграждений и подрывного дела. Все дивились его работоспособности.

Леошеня и другие командиры с редким единодушием признали Карбышева отечески взыскательным. Вместо того чтобы укорять за ошибки и промахи, он советовал, как их исправить или избежать. И помогал исправлять, если они были сделаны.

Не так поступали некоторые весьма суровые инспекторы, чья проверка бросала батальон в холод и дрожь, но ничему не учила.

Заглянув в канцелярию роты и заметив на столе

раскрытую тетрадь, а около нее стопку книг, Дмитрий Михайлович полистал их, похвалил хозяина за хороший подбор литературы:

— Вижу, вы серьезно взялись за дело. Не пора ли готовиться в академию?.. Кстати, почему бы вам не написать статью о действиях вашего батальона у Каховки?.. Пришлите мне ее, с вашего разрешения внесу необходимые поправки и попробую напечатать. В Москве готовится книга о тактических действиях инженерных войск в гражданскую войну.

Оказывается, Карбышев специально изучал действия инженерных частей на Каховском плацдарме, знал боевой путь батальона и считал нужным распространить его опыт на всю армию.

Прощался он с молодым командиром-понтонером совсем по-дружески:

— До встречи в Москве!

Статья была написана, отредактирована Карбышевым и напечатана в книге «Тактика в примерах».

Встреча тоже состоялась. Правда, не скоро. Через шесть лет. В тридцать первом году. Уже не командир роты, а командир батальона отлично выдержал в округе отборочные испытания — он хотел поступать в Военно-инженерную академию.

Совершенно неожиданно — пятерка по общей тактике и комиссия решает направить его не в специальную, а в общевоинскую академию. Редкая удача. Но абитуриент расстроен. Он спешит в Москву с твердым намерением отказаться от предоставленной ему чести.

Леошениа зашел к начальнику учебного отдела Военной академии имени Фрунзе. Стал настаивать на переводе кандидатом в Военно-инженерную академию. Так горячо говорил, что не заметил вошедшего в кабинет Карбышева. Дмитрий Михайлович приветливо улыбнулся давнему знакомому и сказал:

— Будьте благодарны, юноша, счастливому случаю. Общевоинское образование военному инженеру только на благо...

Он развернул перед Леошней необычайно радужные перспективы. Упомянул прославленных военных инженеров — генералов Кондратенко и Петина, доблестных защитников Порт-Артура. Они умели прекрасно строить надежные крепости и в случае необходимости отражать в бою вражеские штурмы этих же крепостей. Как бы между прочим спросил:

— А преподавать, учить людей вам по душе?

— Очень, — признался Евгений Варфоломеевич. — До армии был сельским учителем. По-моему, командир воинского подразделения — тоже учитель.

— Вот и чудесно. Кончайте нашу академию, и будем вместе преподавать на одной кафедре.

Вместе на одной кафедре с Карбышевым! Леошня без долгих размышлений решил никуда не переходить.

Шли годы. Слушатель стал старшим преподавателем кафедры военно-инженерного дела. Руководил кафедрой Дмитрий Михайлович.

А в 1936 году, перейдя по приказу наркома во вновь открытую Академию Генерального штаба, Карбышев не просто оставил Леошню своим преемником в академии имени Фрунзе, а почти шесть лет опекал его, помогал буквально во всем. Отнюдь не по обязанности. И не в порядке общественной нагрузки. Он помогал по естественной склонности протягивать руку помощи тем, кто в этом нуждался.

Карбышев и Леошня виделись почти ежедневно. Они жили в одном доме. Евгений Варфоломеевич был своим человеком в семье Дмитрия Михайловича. Карбышев и Леошня участвовали в комиссиях по составлению воинских уставов, учебных пособий.

— Но я продолжал быть его прилежным учеником,— признавался Евгений Варфоломеевич.— Пользовался его личной библиотекой, архивом, чертежами. Иначе не смог бы вести учебный процесс, читать курс лекций, разрабатывать задачи по инженерному обеспечению боя и операции и одновременно руководить тактической группой и научно-исследовательской работой, то есть делать все то, что до меня с таким блеском выполнял Дмитрий Михайлович.

Евгений Варфоломеевич восхищался удивительной способностью Карбышева завоевывать доверие, сердечное расположение, искреннюю привязанность молодежи. Сам был душевно молод. И молодежь тянулась к нему.

— Мы разделяли его передовые взгляды, поддерживали те новшества, которые он внедрял,— вспоминал Леошня.— И внедрял с необычайным напором, недоужинной энергией...

Дмитрий Михайлович был старожилом академии. Преподавал в ней десять лет. Начальник и комиссар академии командарм второго ранга Август Иванович Корк 26 мая 1936 года при расставании с Карбышевым издал специальный приказ, в котором объявил Дмитрию Михайловичу благодарность «за исключительно добросовестную и плодотворную работу по совершенствованию командных кадров РККА в такой важной отрасли военного искусства, каким является военно-инженерное дело». Здесь же отмечена и «не менее большая работа... в области научной».

Почему-то в таких приказах не принято касаться области духовной, нравственной. А жаль!

— Может быть, вам покажется странным,— сказал в одной из бесед Евгений Варфоломеевич,— но Карбышев сильнее, чем кто бы то ни было, влиял на меня нравственно, да и не только на меня. Всем нам,

своим ученикам, прививал коммунистическую мораль. Не столько учил, сколько воспитывал... В тридцать девятом году он попросил у меня рекомендацию в партию. Я обрадовался. Почел за честь. А когда писал, ловил себя на мысли — не мне его, а ему меня рекомендовать, за меня поручиться. Ему партия давно и безгранично доверяет...

Хотелось узнать об этом подробнее. Спросил Евгения Варфоломеевича:

— Как это произошло?

— Кажется, я уже говорил, что Дмитрий Михайлович с нашей академией никогда не расставался. Он пользовался любым «окном», чтобы заглянуть к нам, благо обе академии находятся почти рядышком. Надеюсь, вы знаете, что «окном» преподаватели называют свободное от занятий время?.. Так было и в тот день. Я не удивился его приходу, ждал. Мне необходимо было проконсультироваться с ним — предстоял выезд со слушателями за город для решения на практике тактической задачи.

Обычно внимательный, Дмитрий Михайлович как-то рассеянно слушал меня, отвечал односложно и, когда я взглядывал на него, отводил глаза в сторону. Видно было, что он волнуется, что-то хочет сказать и никак не решается.

Я не привык видеть Карбышева в таком состоянии. Сам невольно разволновался: «Что с вами, Дмитрий Михайлович?» Он тихо и с несвойственной ему робостью произнес: «Вы не могли бы, Евгений Варфоломеевич, дать мне рекомендацию, поручиться за меня?» «За вас? — удивился я вопросу. — Да за вас, как за себя... Любую рекомендацию». «Не любую, а самую серьезную и ответственную, — продолжал Дмитрий Михайлович, — в партию...»

После возвращения из академии забежал к Кар-

бышевым «на огонек». Дмитрий Михайлович увлек меня в кабинет, завязалась беседа. Он говорил о том, что время очень тревожное, что в Европе свирепствует война. В это трудное время ему бы хотелось быть вместе с партией. «Кто знает, может быть, придется умереть за Родину,— сказал он раздумчиво,— а умереть мне бы хотелось только коммунистом».

Рассердившись на учителя, я не сдержался и впервые осмелился поднять на него голос: «Дмитрий Михайлович! Что вы такое говорите?! В партию вступают, чтобы биться за счастливую жизнь, а не с думами о смерти!»

Тут вбежала в кабинет двенадцатилетняя Танюша, младшая дочь Дмитрия Михайловича. А за ней — десятилетний Алеша. Оба наперебой, выполняя мамино поручение, позвали нас пить чай.

...Маленькая, но характерная и важная деталь. Евгений Варфоломеевич написал рекомендацию. По его глубокому убеждению, она была очень верной и точной. В ней он назвал долголетнюю учебную и научную деятельность своего учителя подвигом на ниве просвещения советских военачальников.

Дмитрий Михайлович внимательно прочел рекомендацию, поблагодарил за нее и попросил:

— Перепишите, пожалуйста... Педагогов таких, как я, много, очень много... Так что, дорогой Евгений Варфоломеевич, про геройство вычеркните... Лучше повторите формулировку приказа Августа Ивановича Корка—«добросовестен». Это вполне справедливо...

— Но ведь в приказе командарма второго ранга написано «исключительно добросовестная и плодотворная работа»,— не сдавался Леошениа.

— Значит, преувеличил, перехвалил,— отпарировал Дмитрий Михайлович, взглянув на своего ученика теплым повеселевшим взглядом.

Душа навек тебе верна,
Ведь я твой сын, моя страна!
Мой путь широк. Мне цель ясна.
Я коммунист, моя страна!
Винтовка меткая грозна.
Я твой солдат, моя страна!

Александр Безыменский

Несколько раньше в доме Карбышевых случилось совершенно неприметное на первый взгляд событие: Дмитрий Михайлович очень поздно вернулся домой.

Лидия Васильевна не придавала происшедшему никакого значения. Муж ее часто оставался в академии допоздна. И на этот раз, наверное, задержался по какому-либо поводу. Хотя в расписании, составленном, как обычно, им самим на всю текущую неделю, в тот день ничего, кроме лекций, не было обозначено. Ни заседания кафедры, ни консультации, ни совещания в наркомате, ни выступления на заводе или в учреждении по путевке райкома партии.

Путевок, между прочим, ему посылали больше, чем любому из преподавателей-коммунистов. Очевидно, в райкоме даже не подозревали, что он беспартийный. Карбышев считался одним из лучших пропагандистов и лекторов на международные и военные темы.

С утра уходя на работу, он сказал, что будет вовремя, к ужину.

А ужин, как говорится, давно остыл. Дети, не дождавись отца, уснули. Только в двенадцатом часу

ночи, утомленный, почти неслышно открыв своим ключом входную дверь, появился Дмитрий Михайлович.

— Заждалась,— с укором произнесла Лидия Васильева.

— Извини, мать. Понимаешь, собрался домой, а в коридоре навстречу мне — наш комиссар Григорий Яковлевич Калинин. Ты с ним знакома, обаятельный человек. Полагал, поздороваемся и в разные стороны. А он остановил меня: «Хорошо, что не разминулись. Если вам не к спеху, зайдемте ко мне, потолкуем». И проговорили почти до полуночи...

— Дика, ты же мог позвонить, предупредить меня... Да ладно, привыкла. Иди умывайся и к столу.

То, что жена назвала его Дика — ею придуманным нежным именем, образованным из первых слогов его имени и фамилии,— было верным признаком ее всепрощения.

Однако прежде всего Дмитрий Михайлович считал нужным раскрыть свой портфель и бережно вынуть оттуда два экземпляра незаполненной анкеты. Он положил их на письменный стол. Это были анкеты для вступающего кандидатом в члены партии.

О чем толковали Григорий Яковлевич с Дмитрием Михайловичем в течение нескольких часов?

Ясен лишь итог беседы, ее результат — две анкеты. Одна для черновика. Вторая, заполненная без исправлений и помарок, стала документом личного партийного дела. Об остальном оставалось только догадываться. Участников разговора нет в живых...

Но кое-что об этом разговоре все-таки удалось узнать...

— У нас с мужем не было секретов,— говорит Александра Петровна Калинина.— Жили одной верой и правдой. Смолоду в одной упряжке...

Мы сидим за придвинутым к стене обеденным столом, накрытым цветной скатертью. В противоположном углу скромно обставленной комнаты проносятся танки, бьют орудия, «катюши» прорезают небо огненными трассами. Все происходящее на телеэкране кажется не настоящим, а будто рисованным. Нет эффекта присутствия — выключен звук.

— Хорошо знала Дмитрия Михайловича. Сама работала медсестрой в академии. И муж о нем многое рассказывал...

Александре Петровне семьдесят восьмой год, прабабушка. Она — коммунистка ленинского призыва. А муж был в партии с восемнадцатого. Григорий Яковлевич — племянник Михаила Ивановича Калинина. Дядя устроил шестнадцатилетнего парня подручным токаря на «Новый Айваз», где сам работал токарем-лекальщиком. Квартировали они за городом, на станции Удельной, так как Михаил Иванович был репрессирован — в Петербурге не имел права жить.

Значит, в столице жить нельзя. А работать? Об этом в законе ни слова. Вот поднадзорные и селились в ближних к Петербургу деревнях и поселках. Оттуда ходили на работу. На «Новом Айвазе» таких собралось много. Хозяин завода, стремясь иметь дешевую рабочую силу, умышленно построил корпуса в Лесном, у городской черты.

— В подходящую компанию попал крестьянский подросток, — заметила Александра Петровна. — По умельству мастаки, по настрою большевики...

По заданию Михаила Ивановича Гриша Калинин распространял «Правду». Вскоре его «забрили» в солдаты. После революции — в Красной Армии. Позже окончил Московскую военно-политическую школу, обучал политэкономии и истории партии курсантов Пехотных командных курсов.

Григорий Яковлевич познакомился с Дмитрием Михайловичем, еще будучи инструктором политотдела в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Уже тогда Калинин считал Карбышева вполне созревшим для вступления в партию. И вот Григорий Яковлевич снова работает вместе с Дмитрием Михайловичем в недавно созданной Академии Генерального штаба. Между ними сразу же установились дружеские отношения. И наконец состоялся памятный разговор. Комиссар спросил Карбышева, почему он до сих пор беспартийный. В ответ услышал признание Дмитрия Михайловича: давно собирается вступить в партию, во всем согласен с ней. Старшая дочь — комсомолка, двое младших — пионеры. Ученики и сослуживцы — коммунисты... Да-да, пора.

— Разговор у них вышел откровенный и долгий. Муж явился домой в первом часу ночи. А ему нельзя было нарушать режима, болел туберкулезом...

— А почему такой долгий разговор у них получился, не помните?

— Почему же не помнить? Дмитрий Михайлович советовался с Григорием Яковлевичем, у кого брать рекомендации. Ему-то любой даст, да обращаться неловко за рекомендацией к своим ученикам. А в академии — почти все его ученики. Стали обсуждать, кого попросить поручиться за него...

Александра Петровна выразила убеждение в том, что муж ее не мог пригласить Карбышева на беседу по столь важному поводу, предварительно не выяснив мнения партийной организации кафедры тактики высших соединений, на которой работал Дмитрий Михайлович. Больше того. Она знает, Григорий Яковлевич не раз советовался с секретарем партбюро кафедры Иваном Семеновичем Глебовым. Он частенько приходил к Калинин. Помнит она, как появился Иван

Семенович и попросил выручить его. Дескать, находится в большом затруднении, попал в тупик. Из двадцати пяти преподавателей кафедры — двадцать два коммуниста. Стоило ему спросить, кто готов дать Карбышеву рекомендацию, как подавляющее большинство в категорической форме заявило, что имеет на это преимущественное право: давно уже консультируется у Дмитрия Михайловича, заимствует его методы, пользуется его расчетными таблицами, получает от него бескорыстную помощь в неслужебное время, бывает с ним на учениях, маневрах, берет книги из его личной библиотеки, конспекты, наконец, знает его как никто другой.

— Ну, от этого затруднения, — спокойно заметил Григорий Яковлевич, — избавит нас Дмитрий Михайлович. Пусть он сам решит, у кого считает нужным взять рекомендацию...

Беседуя с Дмитрием Михайловичем, Калинин, очевидно, одобрил его выбор. Александра Петровна назвала мне и тех, на кого пал этот выбор.

Генерал-полковник Иван Семенович Глебов подтвердил все, что рассказывала Александра Петровна. Самому Ивану Семеновичу путевку в большую жизнь вручила Советская власть. Он служил в Красной Армии, окончил военно-политическую школу, а в 1937 году был направлен на учебу в Академию Генерального штаба.

— Честно признаюсь, мы, слушатели академии, недооценивали инженерное дело, считали его второстепенным, малозначащим для нас. Так было до первой лекции Дмитрия Михайловича. Он обратил нас в свою веру. Доказал, насколько необходима наука, которая стала его призванием. Почти все маршалы — герои Великой Отечественной войны — с гордостью считают себя его учениками. Можно смело сказать:

карбышевские методы инженерного обеспечения боя помогли нам выиграть решающие сражения с гитлеровцами. Что касается меня, всегда с благодарностью вспоминаю, к сожалению, немногие годы учебы у Карбышева и совместной работы с ним. Я пользовался его методологией, постарался перенести в артиллерию карбышевские способы укрупненных расчетов.

— Почему же только в тридцать девятом году ваша партийная организация решила вовлечь Карбышева в ряды Коммунистической партии? — спросил я.

— А потому, — ответил Иван Семенович, — что все мы как-то не представляли Дмитрия Михайловича беспартийным. Мне, например, долгое время казалось, что он состоит на партучете в Генеральном штабе, но, будучи человеком высокосознательным и отзывчивым, выполняет и наши партийные задания. Надо сказать, мы этим щедро пользовались. Его пропагандистскую работу не раз ставили в пример другим...

Глебов подтвердил, что большинство коммунистов кафедры очень хотели дать рекомендацию Дмитрию Михайловичу, и добавил интересную подробность. К тому времени, когда Карбышев подал заявление о приеме в партию, на кафедре было трое беспартийных. Но стоило Дмитрию Михайловичу совершить этот шаг, и двое остальных — Мордвинов и Готовцев — последовали его примеру.

Документ, который сейчас будет приведен полностью, датирован 12 мая 1939 года. Он как бы дышит весной, хотя написан человеком, переживающим осеннюю пору своей жизни.

«В партийное бюро ВКП(б) постоянного состава Академии Генерального Штаба РККА
Заявление

Преподавателя комдива Карбышева
Дмитрия Михайловича о приеме в кандидаты
ВКП(б).

В своем историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин с исчерпывающей полнотой указал нам путь дальнейшего нашего государственного строительства, путь перехода от социализма к коммунизму.

Переход к коммунизму требует от всех трудящихся нашего великого Советского Союза настойчивого овладения большевизмом — учением Маркса — Энгельса — Ленина, повышения трудовой дисциплины, производительности труда. Участвуя своей ответственной работой преподавателя по подготовке высококвалифицированных кадров нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и вместе со всей страной в построении коммунизма, я хочу быть ближе к великой Коммунистической партии (большевиков) и прошу партийную организацию Академии Генерального Штаба принять меня в кандидаты ВКП(б).

Обязуюсь настойчиво и систематически работать над изучением большевизма, над изучением великого учения Маркса — Ленина, активно участвовать в общественной и партийной работе, образцово соблюдать трудовую дисциплину, быть бдительным.

Прилагаю рекомендации членов ВКП (б): преподавателей АГШ комбрига Сухомлина Александра Васильевича, полковника Рудакова Захария Яковлевича и преподавателя Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе полковника Леошени Евгения Варфоломеевича.

Д. М. Карбышев».

В сентябре 1939 года на открытом партийном собрании академии Дмитрий Михайлович был единодушно принят кандидатом партии. А через год другое общеакадемическое открытое партийное собрание обсуждало второе заявление Карбышева о приеме его из кандидатов в члены партии. Рекомендовали его,

так же как и в прошлый раз, полковник Сухомлин и Леошеня, а третьим был вместо находившегося в длительной командировке Рудакова полковник Иван Никифорович Рухле. Была и четвертая рекомендация еще одного полковника, Лембита Пэрна, которая, собственно говоря, оказалась лишней. Но Лембит настоял, чтобы ее зачитали и присовокупили к партийному делу коммуниста Карбышева.

Зал, где происходил прием, был переполнен. Настроение у всех праздничное. После голосования раздались шумные аплодисменты, чего никогда раньше не случалось.

Комсомолец Николай Иванов, который стоял у раскрытых входных дверей, потому что зал был переполнен и не вместил всех желавших присутствовать на собрании, видел, что никто не вышел из зала раньше, чем Дмитрий Михайлович. В фойе его окружили друзья и сослуживцы. Высокий, крупный полковник Александр Васильевич Сухомлин, начальник кафедры тактики высших соединений, человек сдержанный, в порыве нахлынувших чувств обнял Карбышева и крепко расцеловал.

Долго еще продолжались поздравления.

Сорок лет спустя подполковник Николай Эрстович Иванов, рассказывая об этом, уверял, что никогда больше не присутствовал на подобном собрании, когда прием в партию превратился в значительное событие для всей Академии Генерального штаба.

Человеку труда, созидания, творчества в нашу эпоху, глубоко убежден, нет большего праздника, большего душевного счастья, чем сознание, что ты находишься в рядах победоносной ленинской партии, ведущей к счастью всего человечества — коммунизму.

Вот этим праздником, этим безмерным счастьем жил до последнего глотка воздуха генерал-герой.

Лучший университет

...Счастье есть лучший университет.
Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному.

А. С. Пушкин

Он был во всем счастливым человеком. И в семейной жизни тоже.

Дмитрий Михайлович и Лидия Васильевна, как известно, полюбили друг друга на войне. Их любовь выдержала суровейшие испытания на протяжении четверти века.

Двадцать пять лет неразлучно в пути, через пожараща боев, через ратные походы и марши, через бивуачный быт, сопряженный с постоянными волнениями, тревогой, опасностями. Причем и тогда, когда другим, не военным людям, живется мирно и покойно.

Такова жизнь семьи кадрового офицера.

Какие-то черточки характера Дмитрия Михайловича, взаимоотношения его с семьей приоткрывают его письма. К сожалению, из этих писем мы ничего не узнаем о Лидии Васильевне. Ведь писем Карбышева к ней попросту почти не существовало. С января 1916 года, со дня их встречи, и до начала Великой Отечественной войны им не было надобности переписываться друг с другом: всегда вместе. И отдыхали чаще всего всей семьей. К счастью, сохранилось несколько писем Дмитрия Михайловича к детям, посланных им в редких случаях кратковременной разлуки.

Вот цветная открытка, отправленная из Сочи 15 июля 1936 года. Чудесный вид на море. Вдали белеет пароход. На обороте набросано ясным карбышевским почерком: «Здравствуйте, дорогие детки! Вот и прошла половина моего отпуска, скоро и весь отпуск окончится, и мы увидимся с вами. Сегодня мы с мамой ходили на гору Быхва, за Ворошиловским санаторием. Сейчас пришли с концерта. Чувствуем себя хорошо: едим, пьем, спим и моемся — вот и вся наша работа».

Он не мыслил себе дня без работы. Говорил детям, что надо уметь отдыхать в работе. И последняя фраза в открытке — ироническая, чтоб дети, прочитав, посмеялись.

Другая открытка была послана на следующий день в тот же адрес — на подмосковную дачу, где дети отдыхали с бабушкой: «... завтра утром с Малевскими на «Голубое озеро». И по дороге купим вам чернослива, пошлем по почте посылку. Посылку с персиками привезет вам врач. Сейчас половина одиннадцатого ночи, а мы только с прогулки и немного захватили симфонический оркестр. Письма от вас идут что-то туго: одна открытка и одно письмо. Покойной ночи, крепко вас всех целую. Пишите. Ваш папа. Привет Череновичам и Леошеням».

Арсений Дмитриевич Малевский — фронтовой товарищ, доблестный воин, крупный военачальник, теплые отношения с которым Дмитрий Михайлович очень ценил. А Сигизмунд Черенович и Евгений Леошеня — ученики Карбышева, его сослуживцы и друзья.

Дмитрий Михайлович был преданным, любящим мужем, прекрасным отцом, верным товарищем, искренним другом. Он никогда не забывал поздравить детей с днем рождения. Лучшим подарком считал хорошую книгу. В день рождения старшей дочери Елены (она с детства привыкла следить за чистотой в ка-

бинете отца, подавать ему нужные материалы, зарисовывать цветными карандашами необходимые для его лекций географические карты) Дмитрий Михайлович преподнес ей сборник очерков для молодежи «Артиллеристы» с дарственной надписью: «Учись, дочка, трудись, дочка, будь готова защищать нашу Советскую родину, дело Ленина...»

А младшей дочке Тане, которая ленилась читать книжки, прислал в Москву открытку... из Москвы:

Бойся, Таня, лени,
Как дурной привычки.
И читай с терпением
В день хоть полстранички!

Он умел свой личный праздник сделать семейным и по-особому памятным детям. Когда ему присвоили высокое звание генерал-лейтенанта, Дмитрий Михайлович отметил этот день подарком старшей дочери — необходимым ей двухтомным справочником Хютте: «Дорогой Лялюшке от генерал-лейтенанта инженерных войск — папы». Когда его приняли в партию, в тот же день, авиапочтой, полетело письмо в Ленинград, в Высшее инженерно-техническое училище Военно-Морского Флота курсанту Елене Дмитриевне Карбышевой: «Поздравь меня, Аленушка, сегодня на собрании меня единогласно приняли в члены ВКП(б)».

А в одном из последних писем Елене из Минска видна его жажда живого дела, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка: «...мне хочется поскорее поехать в поле на ветерок, на солнышко, на свежий воздух! Надоело сидеть в кабинете». Его задержали на несколько дней в штабе Западного особого военного округа, а он рвался поскорее попасть на границу, помочь укрепить ее, дать пограничникам необходимые советы. Он чувствовал приближение войны...

Память о подвиге

Встал ли ты за родину свою
В час, когда пылал великий бой?
Смелых узнают всегда в бою,
В горе проверяется герой.
Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

Муса Джалиль

Тридцатипятилетие славной Победы.

Легкий ветер колышет, раздувает зажженное ярким солнцем зеленое пламя молодой листвы. По-весеннему нарядны кусты и лужайки бульвара генерала Карбышева, одного из самых молодых бульваров Москвы.

Торжественно, под звуки оркестра открывается памятный знак тому, чьим именем назван этот бульвар¹. Белый полог спадает со скульптурного портрета Дмитрия Михайловича. Кажется, что он только вышел из укрытия и прислонился к высоченной противотанковой надолбе — сколько их, деревянных, железных, бетонных, пришлось устанавливать саперам

¹ Автор памятного знака Дмитрию Михайловичу Карбышеву в Москве — известный скульптор, народный художник СССР Владимир Цигаль, в годы войны фронтовой художник и боец, участник сражений на Малой земле. Им же изваян памятник Карбышеву в бывшем концентрационном лагере Маутхаузен (Австрия) на месте казни героя.

в Великую Отечественную войну!.. Смотрит герой немного усталым, сосредоточенным взглядом на всех, кто окружил его — карбышевские пионерские отряды и дружины, молодые воины, преподаватели и слушатели военных академий, генералы и офицеры, ветераны, его дети — две дочери и сын. И в глазах отлитого из бронзы лица будто возникают живые огоньки. А губы словно шепчут строки из стихотворения Николая Майорова: «Мы все уставы знаем наизусть. Что гибель нам? Мы даже смерти выше. В могилах мы построились в отряд и ждем приказа нового. И пусть не думают, что мертвые не слышат, когда о них потомки говорят».

А говорили ученики и питомцы коммуниста-воина, чья верность Родине, чье мужество и доблесть были испытаны пятью войнами. Говорили о том, что его лекции в академиях, научные труды, изобретения помогли воспитать блестящую плеяду советских полководцев. Говорили о его бессмертном подвиге в дни Великой Отечественной войны.

Ученик его учеников, маршал инженерных войск и командующий этими войсками Сергей Христофорович Аганов подробно охарактеризовал плодотворную деятельность героя — генерала. Вклад Карбышева в военную науку огромен. Его теоретическое наследие глубоко изучают в нашей армии. Его верность партии, его мужество служит ярким примером для воинов Советской Армии, для всех советских людей...

— Вы с нами, Дмитрий Михайлович! Зачислены в нашу ударную бригаду. Ваш заработок мы ежемесячно отчисляем в фонд мира, — обратился к Карбышеву, как к живому, один из выступавших — рабочий районной автобазы.

Десятки таких карбышевских ударных бригад трудятся на заводах и шахтах, в колхозах и совхозах

страны. Его имя известно всему миру. Оно присвоено учебным заведениям, улицам, площадям многих наших городов и сел. С его именем бороздит океаны могучий наливной танкер, и команда судна неизменно одерживает верх в социалистическом соревновании с другими грузовыми судами, свято оберегая высокое звание карбышевской.

По Иртышу и Оби совершает регулярные рейсы пассажирский теплоход «Генерал Карбышев», подобный сказочному белоснежному лебедю.

Ни один поезд не минует железнодорожные станции Карбышев-1 и Карбышев-2 на пути из Москвы через Омск в Сибирь и обратно.

Всюду, где жил, работал, воевал герой,— в Омске, Харькове, Бресте, Гродно, Киеве, Москве и Ленинграде — установлены мемориальные доски и памятники. Воздвигнут монумент и там, где Дмитрий Михайлович погиб,— в Маутхаузене. К пьедесталу этого монумента одним из первых возложил венок и поклонился памяти отважного воина-коммуниста Юрий Гагарин. Сюда приходят, приезжают, прилетают тысячи и тысячи людей со всех континентов земного шара.

А по околосолнечной орбите, между Марсом и Юпитером, мчится, отражая звездный свет, малая планета Карбышев...

На открытии памятного знака в огромной и плотной людской толпе рядом со мной оказался генерал-майор инженерных войск в отставке Николай Степанович Виногорский.

— Получил приглашение на очередной Всесоюзный слет карбышевских пионерских дружин в Гродно,— поделился он новостью.— Сердце пошаливает, да нельзя не ехать. Ведь эти слеты — прекрасные уроки человечности...— И после паузы досказал: — Имел

счастье получить урок человечности от самого Дмитрия Михайловича...

Виногорский не был слушателем академий, где преподавал Карбышев. И все же решился прийти к генералу, попросил его прочитать довольно объемистую рукопись и дать на нее рецензию.

Генерал приветливо принял тогда еще никому не известного молодого автора, прочитал рукопись, тщательно отрецензировал ее и после этого не раз встречался и подолгу беседовал с молодым офицером.

— Так я стал его учеником,— заключил Николай Степанович.

Когда Виногорский узнал о трагической смерти своего учителя, тяжкая и горестная эта весть вызвала в нем душевную необходимость выразить свои чувства стихами. Он написал поэму, напечатанную в одном из сборников, посвященных Д. М. Карбышеву.

Металлические надолбы, портрет героя. Все несут сюда цветы — в корзинах, охапками, и скромно, по одному тюльпану или розе. Воины отдают честь, пионеры — салют, ветераны, работники мирного и ратного труда — низкий поклон тому, чья слава вечна и неуязвима.

Содержание

Гость	3
Прометей	19
Влияние	30
Первый комиссар	44
Боевое крещение	51
Цель	67
Приток реки	74
Большевистское слово	79
Завидное долголетие	93
Следы на земле	103
Я — коммунист	113
Лучший университет	121
Память о подвиге	124

Лев Давыдович Давыдов

ВЕРНОСТЬ

(О Д. М. Карбышеве)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Ю. И. Харченко*
Младший редактор *З. У. Устенова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИВ № 2322

Сдано в набор 17.07.80. Подписано в печать 22.10.80. А 00177. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,78. Учетно-изд. л. 5,19.
Тираж 200 тыс. экз. Заказ 358. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл. 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1980